

The background of the cover is a dramatic illustration of a medieval city under attack. A large, dark stone cathedral with a tall spire is on the left, partially obscured by smoke and fire. In the center, a group of soldiers in dark, hooded tunics and armor are engaged in battle. One soldier in the foreground is seen from behind, holding a scythe. To his left, another soldier holds a mace. In the background, a crowd of people is visible, some holding torches. The sky is dark and smoky, with a bright orange glow from the fires of battle. On the right, a building with a shield-shaped emblem featuring a paw print is visible. The overall atmosphere is one of chaos and conflict.

ЖЕСТОКИЕ ЗЕМЛИ

ИСПОРЧЕННЫЕ СКАЗАНИЯ

ШАГ ЗА РУБЕЖ

Ксен
КРАС

Жестокие земли

Ксен Крас

**Испорченные сказания.
Том 4. Шаг за рубеж**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крас К.

Испорченные сказания. Том 4. Шаг за рубеж / К. Крас —
«Эксмо», 2022 — (Жестокие земли)

ISBN 978-5-04-177151-5

Древний культ добивается своего, не ведая, к чему это приведет. Борьба за выживание, в которой погрязла знать, не оставляет им шанса на прозрение. Конфликт обострится из-за всплывших тайн Династий. Что победит? Традиции, устои и память о мире, или обиды и вражда? Пробужденное могущество накренило чашу весов. Миры сближаются, а Культ расползается в завоеванных Новых Землях. Привычной жизни больше не будет, а погрязшие в распрях люди не заметят, как сделали шаг за рубеж. Продолжение темного фэнтези цикла: интриги, древние тайны, магия и народные восстания. Борьба за власть всегда была одинаково кровавой, но российские авторы еще никогда не описывали ее так увлекательно. О людях, магии и тьме. Четвертый том.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177151-5

© Крас К., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Посвящение и благодарность	6
Памятка	7
Кайрус	14
Рорри	22
Фейг	29
Тордж	38
Райан	45
Тоб	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ксен Крас

Испорченные сказания.

Том 4. Шаг за рубеж

© Крас К., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящение и благодарность

Посвящаю этот том семье и друзьям, которые всегда меня поддерживают и подталкивают, когда я хочу сдать. Легко что-то начать, но очень сложно продолжать и заканчивать, сохраняя тот же настрой и не опуская руки.

Хочу выразить благодарность всем читателям и блогерам, которые оставляли отзывы, выражали свое мнение, упоминали меня и мои книги, рассказывали о цикле. Без вашей поддержки третий том ждал бы своего часа еще очень долго.

Памятка (главные действующие лица)

Аалия Старская – дочь Мертора, сестра Райана, Ласса и Клейса, мать Ауруна, бывшая королева, супруга Гийера Старская. На данный момент мертва. Ее имя часто звучит во время получения каких-либо сведений об Ордене Тринадцати.

Аквуен Смелый – пожилой рыцарь Серого Братства, хороший друг и в некотором смысле наставник Клейса Фореста, один из охраны регента.

Амадинллин – жительница Новых Земель, прославленная воительница, отмеченная духами, парламентар между дикарями и жителями Дэйбрейка. Большую часть времени проводит в путешествиях и выполнении важных поручений. Отправилась в неизведанный Ферстленд вместе с отрядом и несколькими приятелями из коренных жителей ее земель, чтобы вернуть похищенного Венса.

Амфи и Оафи – пара водоземов, синеккожих человекоподобных существ, обитающих в Новых Землях. Они стали хорошими друзьями Рирза, а Амфи испытывает к бастарду особую привязанность. В данный момент проживают в озере близ Фридомхелла.

Арло Флейм – писарь из Новых Земель, ранее проживавший в Дэйбрейке, мужчина средних лет, попавшийся в лапы Культа Первых.

Арло Форест – младший брат Мертора Фореста, старше Райана всего на несколько лет. Дядя Райана, Ласса, Клейса, однако дядюшкой его называет все семейство. Отец нескольких дочерей и единственного сына, Ховвила.

Арелл Бладсворд – ныне покойный бывший правитель Династии Бладсворд, отец Брейва и Эрин, старший брат Мортонна.

Аурон Старская – настоящий наследник Гийера Старская, спрятан от посторонних глаз у Вилстронгов. Знает, что он настоящий наследник, что на троне сидит подмена, совсем не помнит мать и родной замок, так как был увезен оттуда в раннем возрасте.

Аурон Старская-из-Санфелла – принц-подменыш, считающий себя настоящим наследником. Находится в Санфелле, обучается править.

Боуэн Хайтхорс – один из вассалов Форестов, лучший друг и советник Райана Фореста, выполняет за него всю работу и почти безвылазно находится в Гринтри.

Брейв Бладсворд – сын и наследник Арелла Бладсворда, брат Эрин. Более десяти лет назад лишился жены, в чем до сих пор себя обвиняет. Имеет взрослую дочь Эризу Редглас и сына-бастарда Эуана, который не знает о своем происхождении. После предательства вернувшейся сестры, приведшего к смерти очередного наследника и молодой супруги, решил, что проклят, и отправился в изгнание, выбрав для этого путешествие за пределы изученных земель. О его местонахождении ничего не известно.

Винсент Виллингпэриш – наследник и нынешний правитель Ветви Виллингпэриш, на начало третьего тома находится в плену у Культа Первых. Приятель Арло Флейма.

Велес Лоудбелл – наследник рода, мечтал стать рыцарем, ради исполнения мечты убил собственного отца Отто Лоудбелла, бывшего рыцаря. После убийства сбежал из родного замка и вернулся к наставнику, сиру Саттону Настойчивому, который и внушил ему мысли об убийстве. Был отдан Культ Первых и лекарям-экспериментаторам.

Велес, Вилла и Венс – тройняшки, родственники Вихта Вайткроу, ныне проживающие в Новых Землях. Дети лорда Тхага Вайткроу и Таллимии, дикарки, принявшей все традиции и обряды захватчиков. Рождены в законном браке и воспитаны в замке, сочетают привычки

Ферстленда и обычаи Новых Земель. Тяжело переживают расставание, никогда по своей воле не разлучались более чем на несколько часов.

Верд Флейм – наследник Дарона Флейма, должен занять его место, чему активно препятствует его дядя, Зейир Флейм. Мало понимает в военном деле, однако несколько битв под его командованием, скорее по чистой случайности, были успешными. Во время одной из схваток бежал, был пленен Глейгримами и, пока находился в плену, узнал противников ближе. Яро защищает свое право наследовать трон Великой Династии, хотя и не понимает, что с ним делать. Является обладателем дара управления огнем, который проснулся еще в детстве, однако большую часть жизни был вынужден скрывать способности.

Вихт Вайткроу – правитель Великой Династии, брат Леоны, друг Рирза. Отправился в Новые Земли, чтобы повидаться с тетей Либби, помочь ей и заодно посмотреть новые территории, попал в плен к дикарям, откуда его вытащил бастард Рогора. Сумел вернуться и благодаря другу вернуть невесту и сыграть свадьбу. Считает Рирза частью семьи, вместе с ним захватил Фиендхолл, хотя не желал воевать. Обладает даром, который уже успел испытать, однако продолжает сомневаться в своих талантах.

Гартон Глейгрим – жена правителя Раяла Глейгрима, проживает в Этернитифелле.

Генлли – один из Культа Первых, искал желающих примкнуть к культистам в Новых Землях и лордов, которых можно было бы выкрасть. Был отловлен Амадинллин и приведен в Дэйбрейк, откуда сбежал. Помогает брату Роулу.

Гилар Форест – жена регента Клейса Фореста, любовных отношений с мужем не имеет. В данный момент отправлена в отдаленный замок, подальше от столицы, вместе с бастардами Клейса Фореста и его любовницей.

Грогар – бастард Эрин Бладсворд, рожденный в браке матери и бродячего музыканта. Воспитан улицей, не обладает никакими знаниями, необходимыми для лорда, после изгнания Эрин был отправлен обучаться на юг.

Даффа Старской – сестра Гийера Старская, душевнобольная, многие годы находилась на лечении на острове Фейт.

Дариа Флейм – дочь Зейира Флейма, жена Хагсона Глейгрима, с унижения которой и началась война соседей.

Дарон Флейм – умерший правитель, отец Верда Флейма и брат Зейира Флейма. Единственный человек, который кое-как старался объединять семью.

Дейяра Глейгрим – мать Раяла и Хагсона. Пока сын на войне, помогает содержать в порядке Этернитифелл и земли.

Зейир Флейм – брат Дарона Флейма, дядя Верда, Фейлна и Марлы. Испытывает неприязнь к родне и ненависть к Слипингвишам, наследника которых жестоко убил. Считает себя достойным занять место правителя вместо брата, которого сам же и сжег. Является обладателем дара, благодаря которому готов расправляться со всеми врагами и несогласными.

Сир Зэуран Независимый – бывший рыцарь Серого Ордена, отправленный во время болезни Гийера Старская на остров Фейт на лечение. Считает своим священным долгом помочь наказать обидчиков короля, похитил вместе с Тобом Даффу Старской из Пристанища, чтобы вернуть домой.

Кайрус – королевский потомственный палач, исполнительный и преданный не только принцу, но и регенту, так как считает Фореста мудрым. За свою верность лишился младшего сына Рисса, когда пошел против Культа Первых, однако это не остановило его и он продолжает выполнять то, что должен.

Кейдс Форест – супруга Райана Фореста, мать Фейг Вайткроу. Сестра Брейва и Эрин Бладсворд. Очень переживает за обе семьи – и ту, в которой была рождена, и ту, частью которой стала после замужества. Не теряла надежды родить детей кроме Фейг и после долгих лет сумела произвести на свет здорового сына Мертора, подарив роду Форест прямого наследника.

Клейс Форест – регент при юном принце, младший сын Мертора Фореста, добрый друг и главный сторонник усопшего Гийера Старская. Формально управляет Ферстлендом и делает все, чтобы вернуть в него покой и после посадить на трон настоящего принца.

Крэйд Блэкбоу – дядя Верда, Фейлна и Марлы, младший брат Дарона и Зейира, сын отца и второй жены. Стал супругом леди Ильмы Блэкбоу и продолжает ее Ветвь. Почти не бывает в землях своего рода, боится Зейира и предпочитает не вмешиваться в конфликты родственников. Во всем слушает супругу.

Лайтор – моряк, капитан корабля, помогал Вихту и Рирзу вернуться из Новых Земель на юг, а после – добраться до севера.

Ланиас – рыцарь из Серого Ордена, некогда служил Вайткроу, а после того, как у него сложились любовные отношения с леди Либби, отправился за ней в Новые Земли. После гибели возлюбленной преданно служит ее племяннику, вернулся вместе с ним в Ферстленд и участвовал в завоевании Фиендхолла.

Ласс Флейм – наследник и единственный сын Зейира Флейма. После войны отца со Слипингвишами был отдан в качестве заложника лорду Утосу Слипингвишу, прожил в землях западного лорда более половины жизни. Не испытывает тяги возвращаться домой, выбрал себе невесту из дочерей лорда Утоса и был готов жениться. Когда отец явился в его новый дом, принял сторону Слипингвишей и помог сбежать оставшимся в живых.

Ласс Форест – средний сын Мертора Фореста, брат Клейса и Райана. Всегда выступает в качестве советника и примиряющего двух братьев человека, поддерживает постоянную связь и с младшим, и со старшим.

Леон – рыцарь, лучший друг и преданный соратник Отто Тихого Лоудбелла. Оставил Санфелл и прибыл жить в Ворнингбелл для того, чтобы помогать другу и его супруге. Выступал в качестве наставника Велеса, обучал его и сопровождал на турнир. После того как Велес пропал, занялся его поисками.

Леона Вайткроу – сестра Вихта Вайткроу, еще не достигла возраста, когда леди выдают замуж. Талантливая красивая девочка, которую очень любят южане.

Либби Вайткроу – умершая в Новых Землях и сожженная там же для недопущения распространения болезни тетя Вихта Вайткроу, младшая сестра его отца.

Лилан Флейм – мать Верда, Марлы и Фейлна. Глубоко верующая женщина, видящая в старшем сыне лишь хорошие качества и возможность спасения мира. Тяжело переживает гибель мужа и борьбу за власть сына и брата Дарона.

Марла Флейм – дочь Дарона Флейма, сестра Верда. Завела роман с воином, забеременела и, чтобы не быть наказанной матерью, предпочла вместе с любовником сбежать из дома. Во время войны была спрятана Фейлном. Родила сына и не планирует возвращаться домой, желая счастливой жизни вдали от матери и борьбы за власть.

Мортон Бладсворд – младший брат Арелла Бладсворда, дядя Эрин и Брейва. Мечтал стать рыцарем, провел вдали от востока большую часть жизни, постоянно то возвращаясь домой, то вновь покидая его и отправляясь в Санфелл. Приложил руку к избавлению от Эрин, не мешал Брейву отправиться в изгнание. Стал наместником востока. Присоединялся к войне Флеймов и Глейгримов, позволял Культуре Первых творить свои дела и пользоваться портами Бладсвордов.

Нилс – бывший слуга и Магистр Шпионажа у Редглассов, простолюдин, который половину жизни был уверен, что лишь благодаря лорду Экрогу избежал гибели. После того как узнал правду, выкрал Рорри Дримленса, желая привести его в Санфелл, и посмел пойти против бывшего хозяина.

Огрор – сир, прошедший обряд посвящения в Новых Землях, где и проживает. Является метисом, отправился командующим отрядом вместе с Амадинллин, к которой испытывает теплые чувства.

Олира Лонгтейл – кузина Раяла Глейгрима, сестра Эттена Глейгрима. Не смогла остаться в стороне, когда разразилась война между Флеймами и Глейгримами, оставила детей и супруга на севере и отправилась на помощь семье. Пленила Верда Флейма. До сих пор остается в землях Глейгримов, не желая возвращаться домой.

Райан Форест – правитель Династии, старший сын Мертора Фореста, брат Клейса и Ласса. Отец Фейг Форест, приятель убитого Рогора Холдбиста. Уважаемый народом мужчина, готовый на все ради семьи, но при этом постоянно находящийся в конфликте с младшим братом, которого ревнует к его обязанностям. Повесил выполнение своих обязанностей правителя на вассала и друга, Боуэна Хайтхорса. Отправился возвращать Ховвила из Кнайфхелла, опасаясь расстроить супругу и дядю Арлю.

Раял Глейгрим – правитель Великой Династии Глейгрим. Является обладателем дара поднимать мертвецов, чем уже воспользовался, будучи преданным Бладсвордами у Кеирнхелла. Обладает даром с самого детства, но из-за переживаний родителей научился сдерживать себя, почти забыв о таланте. Прозван вассалами и народом новым Проклятым королем. Сумел мирно разрешить конфликт с наследником Флеймов, заведя с ним дружеские отношения.

Ренрог Холдбист – младший брат Рогора Холдбиста, дядя Рирза, Ротра, Робсона, Рисса и Рианы. В юности прослыл чрезмерно жестоким человеком, забивал людей до смерти, из-за чего вселял страх даже в старших братьев и отца. Отправился завоевывать Новые Земли в лагерь Глейгримов и нашел там себе новый дом, став полноценным правителем. Неохотно вернулся на север, когда его позвал брат, выполнил все необходимые для помощи манипуляции, однако привычек не оставил. Отправился на поиски Рогора Холдбиста, когда тот пропал.

Риана Холдбист – младшая дочь Рогора Холдбиста, сестра Ротра, Робсона, Рисса и Рирза. Должна была исполнить волю отца и, если повезет, стать королевой Ферстленда.

Рирз – бастард Рогора Холдбиста, брат Ротра, которого сам же и убил, Рисса, к смерти которого также причастен, Робсона и Рианы. Был отправлен отцом в Новые Земли строить замок, но обрел союзника в лице правителя юга Вихта Вайткроу, вернулся в королевство, получил в дар замок на юге, вернул другу невесту, а после убедил того отправиться на север и захватил Фиендхолл. Страдает от потери памяти во время вспышек ярости, обладает даром Первых.

Рисс Холдбист – самый младший сын Рогора Холдбиста, убит Рирзом в раннем возрасте.

Рисс – сын Кайруса, королевской карающей длани, или попросту палача. Был похищен культистами с целью давления на его отца. Когда Кайрус решился на то, чтобы рассказать об угрозах регенту, мальчик был убит.

Робсон Холдбист – младший сын Рогора Холдбиста, брат Рирза, Ротра, Рисса и Рианы. Самый миролюбивый и мягкий из семейства, имеет больше женское воспитание, был всегда более привязан к матери. Хороший семьянин, верный муж, успел обзавестись наследником. Легко поддается на уговоры, в том числе согласился отправиться на войну, чтобы поддержать племянника матери, Раяла Глейгрима, бросив север без правителя.

Рогор Холдбист – бывший правитель Великой Династии Холдбист, отец Ротра, Робсона, Рианы, Рисса и Рирза, к которому испытывает лишь неприязнь, переходящую в ненависть. Вел север и семью к процветанию, имел хорошие отношения с женой и приемлемые с законными детьми. Не ввязывался в войны, которые не могли ему ничего принести, надеялся стать отцом королевы, выдав дочь Риану за принца Ауруна Старская. Убедил Райана Фореста отдать Ротру Фейг, расторгнув соглашение с Вайткроу. Чтобы получить выгодную невестку, избавился от предыдущей. До последнего сохранял достоинство и переживал за свой род. Пал жертвой неверных суждений Экрога Редгласа, общепризнан мертвым, однако значится пропавшим.

Рорри Дримленс – наследник Великой Династии Дримленс, сын Тормера. После смерти родителей долгое время жил замкнуто в главном замке запада Профисайфелле, не получил никакого жизненного опыта. По дороге к королю был похищен Ниллсом по приказу Экрога Редгласа, некоторое время провел в Миррорхолле, затем в Шинфорте, после чего был сначала вывезен Ниллсом, после – похищен странствующим рыцарем, а затем попал к Культуре Первых.

Роул – один из Культы Первых, глава небольшой группы. Жестокий человек, с радостью издевающийся над пленниками и обожающий всех строить. Поиском новобранцев-культистов занимается его брат Генлли.

Таллимия – дикарка из Новых Земель, дочь вождя, отправившаяся жить в замок и ставшая женой одного из завоевателей, Тхага Вайткроу. Мать тройняшек, Виллы, Велеса и Венса. Подруга Амадинллин, умерла в достаточно молодом возрасте, убита коренными обитателями Новых Земель как предательница. Тройняшки утверждают, что Таллимия имела магические способности.

Тимая – одна из сторонниц Культы Первых, лично преданная Ивтаду. Ищет новых сторонников, была в руках палача Кайруса, откуда ее, как было задумано регентом, спас Цом. Испытывает благодарность к юноше и желает переманить его на свою сторону.

Тоб – юноша из простого народа, родился в деревне в семье, где кроме него были лишь дочери. Ради родителей и самого себя отправился на обучение к лекарям в Цитадель, после был отправлен на остров Фейт, чтобы заботиться о душевнобольных. Исправно выполнял работу, пока не встретил Даффу Старской и Зэурана Независимого, убедившего его в необходимости сбежать. Надеясь получить обещанное золото, Цом согласился помочь. Крайне не рад тому, как складываются обстоятельства вокруг него.

Сир Тордж Проницательный – среднего возраста рыцарь из Серого Ордена, преданно служащий королю и регенту. Некогда был одним из наставников и помощников Клейса Фореста, вместе с ним избавлялся от семьи Лжеауруна, вывозил настоящего принца и сопровождал регента или короля во время встреч с наследником. Осведомлен обо всем, что происходит с Клейсом Форестом, является его ближайшим другом, готовым всегда поддержать или объяснить, в чем регент не прав. Имеет немало детей, которым старается помогать. Не покидает стен Синего города кроме как для военных походов и редких поручений.

Утто Грейвул – бывший моряк, ныне лорд Ветви. Некогда влюбился в воинственную леди Лиару Грейвул, ради которой согласился оставить свободу и отправиться в замок. Заботливый отец, готовый мстить за отпрысков, верный супруг, искренне борющийся за благо рода и готовый стремиться к совершенству. Обвинял Рогора в убийстве невестки, своей дочери, и как только Фиендхолл покинули все Холдбисты, решил захватить замок, чтобы отомстить. Южане во главе с Рирзом и Вихтом успели сделать это до него. Быстро понял, что враги его врага могут быть полезны, перешел на их сторону, познакомился с бастардом Рогора и южным лордом, в которых увидел союзников по ненависти к Рогору.

Фейг Вайткроу – дочь Райана Фореста, любимая племянница Клейса Фореста, супруга Вихта Вайткроу, в данный момент ожидающая пополнение. Была отдана в жены Ротру Холдбисту, которого возненавидела вместе с его отцом Рогором. На севере применила дар управлять животными, натравив их на лорда Холдбиста. Была похищена Вайткроу и Рирзом с рыцарского турнира, сбежала на юг, после чего, будучи вдовой, не имеющей детей, получила разрешение от отца и регента выйти замуж за южанина. Ее дар продолжает усиливаться.

Фейлн Флейм – младший брат Верда Флейма, стеснительный и неуверенный в себе, должен был наследовать трон за отцом, пока Верд был в плену, но легко отдал власть в руки Зейира, так как не посмел идти против него. Отправлен братом в Этернитифелл, подальше от опасности.

Хагсон Глейгрим – младший брат Раяла Глейгрима, с поступка которого разгорелась война Глейгримов и Флеймов. Довольно успешно вел войска, пока не был пленен в Кеирнхелле Зейиром Флеймом, а после отправлен в Файртаун к Дарону Флейму. После того как Верд Флейм был объявлен пропавшим, Хагсона перевезли в укрепление подальше от Файрфорта доверенные лица Дарона, чтобы о его местоположении никто не прознал. До сих пор находится в плену.

Харг Редглас – старший сын и наследник Экрога Редгласа. Не терпит кровопролитий и жестокости. Был отправлен в Новые Земли.

Хельга Редглас – единственная дочь Экрога Редгласа, мечтает прославиться как боец, желает править родом, старшая из детей. Была отправлена в Новые Земли.

Ховвил Форест – кузен Райана, Ласса и Клейса, единственный сын Арло Фореста. Ответственный юноша, мечтающий прославиться как воин, вежливый и талантливый. Был отправлен на учебу к Мортону Бладсворду в Кнайфхелл и заодно должен был следить за тем, как идут дела в восточных землях. Пропал без вести, похищен Культом Первых.

Хэг Редглас – младший сын Экрога Редгласа, имеет проблемы с умственным здоровьем, отчаянно оберегается отцом и сестрой. Был отправлен в Новые Земли.

Цом – слуга в Санфелле, простолюдин, родом из деревни. На его поселение напали люди Ниллса в одеждах с гербами Флеймов, чтобы отвести подозрения от Экрога. Получил увечья в виде многочисленных шрамов на теле, большого шрама на щеке и выбитых зубов. В числе прочих прибыл жаловаться королю и регенту, был оставлен Клейсом Форестом на службе в Санфелле в качестве слуги, за что испытывает огромную благодарность.

Шау Лоудбелл – глава Ветви Лоудбелл, вышедшая замуж за сира Отто Тихого и добившаяся, чтобы тому даровали свободу от рыцарства и титул. Мать Велеса и Сэйры Лоудбелл. Жила счастливой жизнью, преданно служа Дримленсам и не задумываясь о том, что не касалось ее семьи и земель. Тяжело переживала желание горячо любимого сына стать рыцарем. Когда Велес вернулся и убил Отто, Шау отказывалась верить в причастность сына к преступлению. Видела глазами Велеса и словно побывала в его теле, когда юнца пытал один из лекарей, примкнувших к Культ Первых; убедилась, что сын жив и в его исчезновении виноват сир Саттон Настойчивый из Серого Ордена. Неотступно ищет наследника, не слушая советников.

Эббиана Холдбист – супруга Рогора Холдбиста, мать Ротра, Робсона, Рисса и Рианы, хорошо относилась и к бастарду мужа, Рирзу. Тяжело переживала смерть сыновей, несмотря на то что проводила мало времени со старшим, которого готовили на роль правителя. Понимая, что дочь тоже покинет ее, отдавала всю любовь Робсону. Переживает за Глейгримов, из рода которых произошла, плохо перенесла смерть Джура. Всем, чем могла, даже за спиной мужа, помогала племяннику Раялу Глейгриму, а после пропажи Рогора убедила сына вмешаться в войну.

Экрог Редглас – правитель Великой Династии Редглас, затеявший войну Глейгримов и Флеймов. Похитил Рорри Дримленса ради собственной выгоды. Считал себя непревзойденным хитрецом, однако совершил ряд ошибок, из-за чего лишился верного слуги, упустил пленника Дримленса и потерял ценного союзника – Рогора Холдбиста.

Эриза Редглас – единственная законнорожденная дочь Брейва Бладсворда, новая жена Экрога Редгласа. Воспитана быть примерной женой, неплохо ладит с отпрысками мужа. К супругу испытывает самые теплые чувства и считает себя счастливой женщиной, готовится стать матерью.

Эрин Бладсворд – сестра Брейва Бладсворда и Кейдс Форест, мать Грогара. Сбежала из дома, чтобы стать лекарем, но, когда жизнь стала слишком тяжелой и она лишилась покровителей, решила вернуться в Кнайфхелл вместе с сыном, где неудачно пыталась избавиться от Лилор Бладсворд, новой жены брата. Была обвинена Мртоном Бладсвордом в убийстве, изгнана с востока, и уже за пределами его земель попала в руки к Культу Первых.

Кайрус

Королевский палач жил в поселении с людьми, жестоко убившими его сына. С теми, кто ставил свои цели превыше законов, превыше жизней. Кайрус, единственный, кто не относился к этому сборищу и скорее назывался врагом, чувствовал себя более или менее неплохо, он бы даже сказал, что с ним обращались вполне достойно. С одной стороны, он считался пленником, так как никуда не мог уйти по своей воле, за ним непрерывно наблюдали и контролировали каждое движение, а с другой – гостем, так как не понаслышке знал, как на деле относятся к невольникам в лагере.

Люди из Культа Первых и особенно их дети разглядывали карающую длань как диковинную зверушку, желающие поглазеть стягивались со всех концов стоянки, они ради безопасности – толпой всегда не так страшно, как по одиночке, – собирались в группки, перешептывались, указывая в сторону палача. Юноши и девушки, еще молодые, быть может, всего на пару лет старше Ларса, из тех, что отличались храбростью, подходили к нему и заговаривали. Обычно их беседа сводилась к коротким вопросам или проклятиям и грубым словам, а порой и попыткам пнуть или толкнуть мужчину.

Один раз девочка лет одиннадцати, чрезмерно худая, с волосами неприятного грязно-серого цвета, которые выбивались из-под самодельной шапки из тряпок, беличьих шкурок и палочек, задорно торчащих во все стороны, бесстрашно, с самым надменным видом подошла ближе и от души ударила по миске с похлебкой. Мужчина тогда держал ее в руках.

Нет, Кайрус совсем этому не удивился. В юные годы жестокое отношение, мстительность, выкрики из толпы и ненависть в глазах горожан пугали палача, расстраивали, он постоянно пытался найти себе оправдания. Надеялся примириться с жителями. Еще учеником, он говорил на площади, что ни в чем не виноват, говорил, что это его работа, такая же, как молотить зерно, печь хлеб или стирать. Чуть после, когда палач уже женился, его удивляло совершенное нежелание жителей Санфелла понимать то, что на самом деле чувствует он, да и любой его брат по ремеслу. То, что делал Кайрус, являлось не более чем его работой. Делом, которое приносит деньги, еду, одежду, дом, возможность жить. Удивляла и все та же жестокость, она не исчезла с годами.

Но время шло, Кайрус умнел, набирался опыта, впитывал в себя полезные советы других мастеров топора и веревки. Он не только учился делать свою работу, но и обрастал прочным панцирем, через который никто не мог добраться до его истинных чувств. Понемногу наращивал слой за слоем. На лице он предпочитал носить маску равнодушия и непроницаемости, но не надменности.

Королевскому палачу помогало и то, что он от природы был спокоен и смирен, редко дрался в детстве, предпочитал не избегать конфликтов, изворачиваясь змеей, а игнорировать их как явление, ровно до тех пор, пока это было возможно. Отец объяснял Кайрусу в свое время, с чем тому придется столкнуться, предупреждал его, советовал, но никогда не оберегал и не защищал от гнева и унижения.

Когда в сына палача кидали камнями, карающая длань Его Величества не вмешивался. Отец не закрывал отпрыска от грязи, экскрементов, хотелось верить, только животных, и других неприятных вещей, которыми люди выражали негодование. Он не спасал сына от плевков и не прерывал того словесного потока и громких пожеланий смерти, которые обрушивались на юного Кайруса. Поначалу было очень тяжело, злость и обида на родителя мешали раскрыть весь потенциал и достойно показывать себя. Пожалуй, года три, а то и четыре, будущий палач свято верил, что ненавидит отца и Санфелл и те платят ему тем же.

С каждым годом становилось проще.

Тело крепло, а вместе с тем разум и душа учились находить то самое равновесие, из которого их было бы невозможно вывести. Со временем Кайрус понял, что должен был благодарить отца, к сожалению, тот оставил мир, так и не увидев первого внука – Ларса. Палачи хорошо питались, их лечили лучшие лекари, они не мерзли, а когда карающие длани уже не могли самостоятельно справляться, если дети не обеспечивали им уют, король назначал людей для ухода за верными подданными. Впрочем, к этому редко прибегали. Так получалось, что только один из десяти доживал до преклонных лет. Что бы ни делали правящая верхушка или лорд, палачи умирали по дороге из дома или, напротив, домой. Они умирали на площадях и в лавках, у порога тюрьмы и посреди квартала, в одиночестве и в окружении множества людей. Умирали от ножей, топоров, веревок и камней, и нередко от сапог и кулаков. Редких, очень редких, лишь тех, кто действительно заслуживал и вел себя недостойно призвания, травили. Подсыпать в еду яд опасались потому, что слуги знати обычно предпочитали приобретать товары в тех же лавках, где и ненавистные карающие длани – у лучших торговцев, – и никто из жителей не желал напрасно наводить на себя подозрения, если дело того не стоило.

Кайрус видел за свою жизнь четырех мертвых палачей. Первым был, к сожалению, отец. Это воспоминание о крепком, невысоком мужчине с черной лоснящейся бородой и всегда одинаковым лицом, не важно, что он делал – убивал врага короны или обнимал детей, – и добровольно выжженным на руке знаком в виде петли, которого забили камнями и палками, как собаку, у самой площади, а после насадили на кол, уже не вызывало дрожи, как ранее. В тот день, увидев тело, Кайрус испытал страх. Он признавался старшему сыну, что боялся повторить эту же судьбу, рассказывал, что долго никто не помогал ему снять тело отца. Плакать палач не позволил себе ни в тот день, ни через цикл или год, но руки совсем не желали слушаться. От пережитого они дрожали.

Только защитники города помогли юноше убрать мертвеца с площади. Успокоения после этого все равно не пришло. Несколько сезонов Кайрус боялся ходить один, и через год, а то и меньше, он обнаружил мать и сестру почти в том же месте – с ними поступили еще более жестоко. Ужас, который бурлил в мужчине, хоть тот и не показывал этого, копился. Вечером того дня, когда учинили суд над женщинами его семьи, в Кайрусе что-то сломалось – так говорила Онса, и мужчина не спорил. Супруга утверждала, что именно с того момента, как мать и сестра палача не вернулись домой, муж что-то понял, достиг какой-то истины и стал до омерзения спокойным.

Онса с юных лет была мудрой: Кайрус в самом деле многое осознал. Особенно остро он понял одну мысль, главную: подобная судьба ожидает всех представителей его ремесла, рано или поздно, так или иначе, в окружении толпы или один на один с убийцей, но каждого из верных слуг короны настигнет расплата. Не имело значения, что на самом деле испытывают палачи и убивают ли они в принципе хоть кого-то. В небольших городах чаще всего ограничивались наказаниями, может, одним убийством на пару-тройку лет. Зачастую палачи убивали меньше народа, чем городская стража, рыцари или воины в мирное время, а про войну и вовсе говорить не стоило. Но тех, кто носил знак какого-либо из орденов, уважали, а тех, у кого красовалась красная петля, – ненавидели.

У Кайруса был выбор, что делать с этим, и он предпочел самый, по его мнению, верный вариант – смириться. Тем более после того, как Его Величество Гийер Старской приказал выпороть каждого тринадцатого на площади, а тех, чья вина будет доказана, вздернуть как предателей. После горожане успокоились и снова начали обходить мужчину стороной. Примирение с судьбой принесло Кайрусу плоды. Страх исчез, жизнь перестала казаться несправедливой, и душевное равновесие было восстановлено.

С тех пор Главный королевский палач уже успел пережить множество плевков и ударов. Его хороший друг Иол предлагал ему прекрасный способ борьбы с подобным – представлять,

что может случиться с обидчиками, и чувствовать свое превосходство, однако Кайрусу этого и не требовалось.

Мужчина вылил свою похлебку на землю и пару раз встряхнул рукой с миской. Женщина в застиранном переднике, которая занималась раздачей еды, осуждающе посмотрела на пленника. Ей не нравилось, что того принимали как короля, – еще бы, ей, несмотря на старания и долгие годы службы Ивтаду, не доставалось и трети тех же привилегий. Дама сама жаловалась на это, и так громко, чтобы слышали в любых точках лагеря.

Ивтад, командовавший сборищем, велел относиться к пленнику с уважением и не сметь причинять ему вреда. Когда вожак сброда находился рядом, люди слушали его, и Кайрус мог чувствовать себя в полной безопасности, но стоило только защитнику отлучиться, как недовольные разом выползали и начинали виться вокруг. Seriously ранить они опасались, но на мелкие пакости решались многие.

Оказавшись в лагере в первый день, увидев, с каким лицом многие смотрят на гостя, и услышав то, чего ему от всей души желают, королевский палач уже был готов смириться с печальной судьбой. Он ждал кровавой расправы, не понимал, почему его так долго куда-то везли, чтобы поквитаться, и думал только о том, что ему есть за что благодарить судьбу – его жена и дети остались в Санфелле, а значит, их время еще не пришло. Онсу, может быть, трогать не стали, она всего лишь женщина и жена. Да, ее назовут матерью проклятых детей, избранницей убийцы, однако именно благодаря этому не решаются насиловать. Если повезет, большинство выступит против ее казни. Сейчас, когда с урожаем в землях Старскаев дела шли более чем хорошо и последние годы помогли людям насытиться, даже бедняки и попрошайки и те помирали реже. А сытые люди, как бы ни сердились, не могли сравниться по ярости и изощренности методов самовольной расправы с оголодавшими, лишившимися детей и надежды.

Но более судьбы супруги мужчину волновала судьба младшей дочери – старшая собирала приданое и вот-вот должна была перебраться в дом своего будущего мужа, в другую семью палачей, которые проживали на северо-востоке от Санфелла. Кайрус не простится с ней, зато велик шанс, что ее не успеют тронуть. Люд не отправится по ее следам, не станет тратить на это время. Ларс, настоящая гордость и опора Кайруса, первенец, который, в отличие от бедного милого мальчика Рисса, уже успел проявить себя, отличался не только послушанием и трудолюбием, показывая, насколько может повезти с отпрыском, но и уже преодолел тот возрастной порог, что считался самым опасным. Чаще всего дети, пережившие его, доживали до появления собственных отпрысков.

Преемника королевской карающей длани и младшую дочь ожидали бы самые жестокие казни, попади они Культу Первых. Скорее всего, Ивтад не стал бы защищать детей, он точно обозначил, для чего ему нужен Кайрус, но остальные порадовали бы толпу...

Вопреки ожиданиям, мужчине вручили другую миску с похлебкой, вырывая его из неприятных мыслей. Видать, Ивтад умудрялся добиваться того, чтобы сброд его слушался. Но и в этот раз спокойно поесть у палача не получилось – молодежь обступила пленника. Один из них держал обеими расцарапанными руками со сбитой на костяшках кожей толстую палку, остальные же только сжимали кулаки. Несмотря на возраст, явившиеся выглядели весьма воинственно, а злость во взгляде и искореженные от смеси ненависти и презрения лица были совсем не детскими.

– Ты – королевский палач? – спросил юноша с палкой, и мужчина молча кивал в ответ.

– Это ты мучаешь в тюрьме людей, которые ни в чем не виноваты? – Кайрус и не рассчитывал на достойное обращение и приятные беседы. Он и без того был поражен, так как по пути готовился, что его бросят в клетку как зверька и заведут разговор о короле, регенте и их секретах. Вместо этого он жил не хуже, чем в своем доме в столице.

– Я не пытаю тех, кто не виноват. Если человека осудили ни за что, любой палач узнает это и сообщит своему лорду или королю. Но те, кто виновен, остаются в застенках.

– Ты за себя говори!

– Те, кто виноват, попадают ко мне.

– И ты их мучаешь?

– Я получаю информацию, которую необходимо получить, и не более того. Я никогда не ставил себе цели унижать и терзать кого-либо. Мне это не доставляет удовольствия, это всего лишь моя работа.

– Работа – это поля засеивать и пахать, муку молотить, обжигать горшки, мыть, стирать, печь, ковать. Это работа! – вооруженный юноша мнил себя главарем и говорил за всех, его спутники только выкрикивали слова согласия. – А то, что делают такие твари, как ты, это не работа. Ты издеваешься над людьми!

– Я не...

– Издеваешься! Мы все видели! Мы все пришли из города. Мы все из Санфелла. И все видели, что ты делаешь. Мы были на площади!

– Чудовище!

– Чтоб тебя земля поглотила!

– Первые избавят мир от тебя и всех-всех палачей! Ненавижу!

Кайрус отодвинул от себя наполовину опустошенную миску. Холод улицы пробирал до костей, его одежды порвались, их обещали починить, но не торопились с этим. Он вынужденно согласился носить другие вещи, но протертые рубахи из дешевых тканей, пусть и надетые в несколько слоев, так же как и штаны – Ивтад искал лучшее, – и его собственный камзол, не спасали от холода. Постоянно хотелось есть, а горячая сытная еда приносила с собой тепло только на некоторое время. В этот же раз Кайрус был лишен данного удовольствия, третью миску ему уже не вручат.

Пальцы на ногах замерзли, и мужчина встал, намереваясь уйти от разгорающейся ссоры. Драться с детьми и доказывать им что-либо – потеря времени.

– И куда это ты? Мы тебя не отпускали!

Юноша-главарь все же решил воспользоваться своим оружием и ударил Кайруса по спине. Удар вышел не сильным, скорее предупредительным. Палач не стал садиться обратно, и когда вооруженный вновь попытался ударить, подгадал момент и схватился за конец импровизированной дубинки. Не ожидающий этого юнец выпустил оружие, оставляя его в руках противника. Королевская карающая длань вышел из-за стола, отступил от столешницы и пенников-табуретов, а затем сломал дубину об колено на две части. Со стороны это выглядело красиво, Кайрус не сомневался, но на деле же он зря решил на подобные фокусы – твердая деревяшка после соприкосновения с ногой, может, и превратилась в два бесполезных куска, но и сама конечность была совершенно не рада подобной встрече.

– Ты... Ты! Ты ничтожество! Ты проклятый! – главарь слишком расстроился из-за потери оружия. – Ты убил моего отца! Ты мучил его! На площади он не мог сам стоять, я видел, как его держат. Он не смотрел на меня... На меня! На своего сына... А он был строителем и учил меня, он кормил моих сестер! Он не сделал тебе ничего, а ты его убил! Ты убил не только его, но и их...

– Так вот почему ты так складно говоришь. – Палач не мог понять, почему простолюдин, пусть и из города, неплохо выражает мысли, а в его речах не проскальзывают исковерканные слова, простые обороты и проглоченные окончания.

Строители ценились, их детей охотно обучали вместе с будущими писарями и лекарями основам ораторского искусства, счетным наукам, грамоте, немного геральдике. Если, конечно же, были возможность и учителя, а в Сантауне их насчитывалось с избытком. Порой казалось, что даже прачки и горшечники в столице образованнее писарей из небольших городков.

– Хорошо говорю? Я мог бы стать хоть кем-то, если бы не ты! Моего отца утащили в тюрьму только за то, что он не верил в Богов. Он верил Ивтаду, верил в Первых и мечтал,

что истинные правители вернутся. Он не участвовал ни в каких бунтах, он был мирным человеком. С соседом, пьяницей, когда тот сестренку хотел в углу зажать, и то драться не стал, а по душам поговорил. Ничего дурного не делал, только приятелям и соседям поведал, что Первые-то лучше лордов всех. И за ним ночью пришли. Его обвиняли в том, чего он не совершал, уж я-то знаю.

– Если человек невиновен, я об этом узнаю и сообщаю Его Высочеству и Его Величеству...

– А если надо, чтобы он признался? Я знаю, так делают.

– Ты весьма просвещен. Если твой отец не был хотя бы бастардом какого-нибудь лорда, то никто бы не стал приказывать ни мне, ни какому-то другому палачу. Какой с этого прок?

– Отобрать наш дом и то, что у нас есть!

Кайрус не посмеялся над глупым главарем шайки только потому, что не считал это правильным, – тот потерял отца и ввязался в Култ. Если сейчас над ним еще и смеяться, ничем хорошим это не закончится ни для вспыльчивого сына строителя, ни для палача.

– Ты, полагаю, знаешь, – попытался вразумить безумца мужчина, – что мы весьма обеспечены и у каждого палача есть собственный дом. Если мы прибываем в город, нам отдают жилище. Мы не имеем права забирать чужие дома, и тем более не мы решаем, кого следует отправить в тюрьму. Про убийства я и вовсе говорить не вижу смысла.

– Тогда вы договариваетесь с кем-то, – упрямо продолжал настаивать на своем хозяин палки. – Я ведь не один такой! У нас у всех отобрали дома. Нас выгнали на улицу, нас лишили родителей. Часть пошла со мной и присоединилась к Ивтаду, а многие остались в городе, они надеются вернуть свое. Но я знаю, что у них не выйдет. Я знаю!

– Я не понимаю. – Кайрус видел, что юноша готов продолжать говорить, и понимал, что надо разобраться со всем этим как можно скорее. Пусть он и был в плену, но, если верить Ивтаду, заточение не станет длиться вечно, и рано или поздно мужчина сумеет добраться до регента. А если так, то лучше всего получить как можно больше информации, которая после сможет помочь Его Высочеству и Его Величеству. Надежда еле-еле трепыхалась в душе Кайруса, и он попытался придать своему голосу как можно более сочувствующие нотки: – Расскажи мне, что у вас случилось. Я не имею к этому никакого отношения.

Главарь высыпал еще порцию оскорблений, погрозил кулаками, а когда палач сел обратно на табурет, ребенка прорвало. Непонятно почему – то ли из-за Кайруса и его попытки вести себя дружелюбно и сопереживать, то ли потому, что юноша хотел высказаться и наконец встретил те самые уши, да еще и в лице виновника, и больше не мог сдерживаться. Излияния увлекли и верного королевского слугу, он слушал, запоминал, выражал сочувствие ребятам и надеялся, что вскоре передаст услышанное регенту и его доверенным лицам.

Юношу звали Эйг. Его отец, как уже сообщили Кайрусу, строитель, несколько лет назад потерял руку – во время возведения то ли крепостной стены, то ли здания плохо закрепили валуны. Происходило это в Новых Землях, куда все семейство перебралось, вызвавшись добровольно. Мужчине повезло, что он остался жив. Сломанная в то же время нога, в отличие от руки, срослась ровно, ей удалось вернуть прежнее состояние и подвижность. Верхнюю конечность не просто придавило, а надолго зажало между камнями и в нескольких местах проткнуло щепками от сломанной деревянной конструкции, которая должна была удерживать валуны.

Кости в кисти и пальцы перемололо в муку, куски дерева занесли в рану что-то, рука воспалилась и раздулась. Лекари не могли спасти ее и, чтобы строитель выжил, отрезали по самый локоть.

С такой травмой работать как прежде было невозможно, а уж обитать в Новых Землях, на территории строящегося замка, и того хуже. Опасно. Строитель, опытный и успевший прославиться, вполне мог командовать, но он посчитал травму плохим знаком и вместе с семьей отправился в Ферстленд. Поскольку денег у семьи было вполне достаточно, они обосновались

в Сантауне, во внутренней его части, недалеко от стен замка. Опыт и знания помогли мужчине найти работу, и он даже начал обучать – разумеется, за плату – основам, которые могли пригодиться горожанам. Например, он рассказывал, как сделать так, чтобы печь лучше грела, или как подешевле укрепить крышу. Советы, хоть и не бесплатные, помогали. Находились и желающие пойти по стопам строителя и обучиться выгодному и почетному ремеслу.

Монеты не текли рекой, но хорошее месторасположение дома и острый ум приносили свои плоды. Через год после переезда в столицу семья пополнилась на одного ребенка – у Эйга родилась третья сестра, еще через два – мать умерла родами и забрала с собой младшего брата.

С тех пор отец Эйга перестал верить в Богов, которым усиленно молился. Раньше он ходил в Храмы и жертвовал, сколько мог. Теперь же мужчина тяжело переживал утрату и не был способен смириться с тем, что его идеальная семья распалась. Наследник продолжал обучаться, его знакомые из писарей и лекарей последовали примеру строителя и также начали обучать за звонкую монету, но Эйга по старому приятельству пускали учиться бесплатно. Со временем жизнь начала выравниваться и в памяти не всплывала смерть женщины, можно было даже сказать, что семья жила счастлива.

Увлечение отца Культom Первых было поверхностным, в отличие от сына: он слушал проповеди, пару раз вступал в дискуссии на улице и утверждал, что культисты говорят верное дело – лекари поголовно ничтожества, Богов не существует, лорды на троне не способны контролировать то, что обязаны... Одним словом, мужчина не мог пережить гибель матери его детей и обвинял в этом всех, кто попадался на пути. Вероятно, вскоре он начал бы обвинять в том числе и сам культ, для этого требовалось лишь немногим больше времени. Эйг утверждал, что его родитель стал чрезвычайно ворчлив, он не просто сетовал на всех и каждого, но и обучился отыскивать и приводить разумные доводы.

Жизнь юноши изменилась в один день, когда за отцом явились воины. Строителя отвели в тюрьму и отдали в руки палачам. Оставшиеся без кормильца дети не знали, что делать, и именно в это время им решил помочь то ли сын, то ли муж дочери, то ли еще какой-то родственник ростовщика. Добрый человек поведал, что если заплатить приличную сумму палачу и страже в тюрьме, то отца непременно освободят. Накоплений, разумеется, у семьи имелось немного, и тогда этот же советчик предложил заложить дом. Он говорил юноше, что раз глава семейства хороший строитель и даже бывал на пиру у Его Величества, то заработать, чтобы отдать нужное или попросить у друзей и вернуть сначала дом, а после и то, что должен, ему не составит труда. Эйг был согласен с родственником ростовщика – отец и правда мог придумать что угодно, и волноваться об этом не имело смысла – и согласился.

Всего через три дня строителя казнили вместе с неизвестными мальчишке бунтовщиками и преступниками. Эйг ходил к ростовщику, он хотел потребовать деньги обратно, кричал что-то, даже пытался подрасться, но ему нечего было предъявить. Никаких доказательств не имелось, родственник утверждал, что впервые видит сына строителя и ни в коем случае не стал бы идти против короля и его палачей и кого-то подкупать.

А вот бумаги по дому были подписаны. Срок, за который Эйг должен был отдать всю сумму, Кайрус счел издевательством, взрослый не сумел бы заработать нужное, а детям и подавно платили сущие копейки. Вскоре главаря шайки с сестрами прогнали на улицу, старший отпрыск строителя работал, сколько мог, и все, кроме денег на еду для себя и сестер, он тратил на выплату долга, но дело почти не двигалось с места.

К старшей из девочек нередко приставали на улицах, и юноша был вынужден отдать двух сестер помощницами к прачкам, а третью, которой уже впору было копить приданое, к пожилому бездетному рыбаку. Девочки трудились ничуть не меньше брата, но не получали за это ничего, кроме крова и еды. Рыбак оказался совсем не добрым человеком, юноша предпочел не вдаваться в подробности и только заявил, что теперь у него осталось лишь две сестры.

Сам же Эйг продолжал экономить на всем и только и делал, что работал и носил монету за монетой. Спустя всего три или четыре цикла – он потерял счет времени – уставшему, выбившемуся из сил и заметно исхудавшему сыну строителя сообщили, что больше он может не стараться и дом теперь принадлежит ростовщику. Время на выплату долга закончилось. То, что юноша сумел заработать и принести, отпрыску казненного не вернули и вновь сделали вид, что не понимают, о чем он говорит. Эйг второй раз попался в ту же самую ловушку и на этот раз лишился всего, в том числе и надежды.

Расстроенный, обозленный на весь мир, он много раз наведывался к ненавистному двору, кричал под окнами и требовал свое, но вместо того, чтобы вернуть хоть что-то, юношу избili охранники любителя обманывать честных людей, да так, что тот с трудом смог доползти до своего угла, который ему выделил кузнец взамен на посильную помощь.

Боль не позволяла Эйгу вставать несколько дней, и в итоге кузнец прогнал его за безделье. Там, где юноша подрабатывал по утрам и вечерам, также быстро нашли замену пропавшему.

Чтобы выжить и чувствовать себя под защитой, мальчишка приткнулся к небольшой группе культистов и отправился вместе с ними прочь из города, в котором больше нечего было делать. Тащить с собой кое-как пристроенных сестер он не решился. За время общения с Культом Первых, которые называли себя Посланниками, сын строителя убедился, что нынешние правители недостойны жить. Раньше он верил в Богов и молился, мать водила его в Храм, а в Новых Землях – к алтарю с деревянными фигурками, рядом с которыми стояли богослужители. К последним семья приходила в каждый требуемый для этого день, чтобы очистить тела и души. Но Боги не спасли ни потерявшего веру отца, ни мать, которая до самой смерти молилась и просила не о собственной жизни, а лишь о помощи семье, о том, чтобы ее дети ни в чем не нуждались.

Рассказ не тронул сердца Кайруса – он слышал много похожего. Бывали истории и более ужасные, и с худшим концом. Годы сделали его черствее, и потому мужчина сумел выслушать не только излияния о печальной жизни сына строителя, но и истории его спутников. В чем-то они отличались, но в каждой – ростовщики отбирали дома и лавки, преимущественно те, которые располагались в самых удачных местах.

Родителей, в особенности мужчин, а также более взрослых братьев забирали в тюрьму, а чтобы спасти кормильцев, родственники закладывали, что только могли, но в итоге никого не отпускали, а долги выплачивать не получалось. Дома быстро находили себе нового владельца, так, будто стоили копейки. Двое товарищей Эйга рассказали, что лавки приобрели люди, которые маловероятно смогли бы когда-нибудь накопить на хорошее место. Кто-то из покупателей домов раньше и вовсе ничего не имел, а кто-то держал лавку, в лучшем случае, во внешнем городе.

Казалось, новых владельцев совершенно ничто не связывало, но Кайрус запоминал подробности, имена, месторасположения и ремесла пострадавших. Про себя палач решил, что постарается, как только представится шанс вернуться в Сантаун, донести до Его Высочества и Его Величества настолько полную информацию, насколько сможет. Ростовщики всегда чувствовали себя слишком уверенно и старались обезопаситься, еще и перечисляя немалые суммы в королевскую казну. По всему Ферстленду, а может, уже и в Новых Землях, у них имелись свои люди. Палач слышал, что те обитают только в столицах, так как по-иному невыгодно. Порой поговаривали, что все ростовщики – родственники и подчиняются одному, сидящему в Санфелле, но Кайрус не верил в это.

Эйг с приятелями признался, что они шли к палачу с одной-единственной целью – поквитаться. Хотя бы с одним из перечня обидчиков. Кайрус поведал в ответ, что не помнит ни одного имени из тех, которые ему назвали. Трижды он казнил на площади людей, ранее допрошенных его соратниками, так как у них привалило другой работы, но плохо запомнил, как звали несчастных. Он зачитывал приговор и почти сразу же освобождал память от ненужного.

Кроме семьи Кайруса в городе проживало еще несколько, в том числе и Иол с родней. Хотелось верить, что приятель ни при чем и не помогал ростовщикам обманывать горожан. Мысль, что человек, у которого в последние сезоны появилось прилично средств для приданого внукам, может быть одним из тех, кто не чтит законы и действует за спиной Его Величества, посещала Кайруса уже несколько раз. Он решил в первую очередь обязательно убедиться в невинности друга, а если тот все же виновен, то просить Его Высочество о снисхождении.

Да, скрывать от Клейса Фореста кого-либо, пусть и друга, мужчина был не намерен. В конце концов, Иол приносил такую же клятву и имел собственную, уже седую голову на плечах. Чем больше Кайрус слушал, тем больше понимал, что требуется незамедлительное вмешательство, но отпускать палача с докладами из лагеря пока не думали. Ивтад говорил, что нужно дождаться призыва. Как тот будет происходить и когда именно, культисты не сообщали, но готовились обитатели лагеря знатно.

Группы людей продолжали прибывать и приводить новых пленников – и женщин, и мужчин. Среди них были те, у кого на одеждах проглядывались гербы, и те, кто очень отличался от местных жителей, – темнокожие, с цветными рисунками на теле, говорящие на чужом языке. Их зачем-то отловили в Новых Землях и тащили с собой через море и половину материка.

Кайрус продолжал тщетные попытки переубедить Ивтада, пытался узнать еще что-то важное у приверженцев Культа Первых, но в обоих делах потерпел поражение. К пленникам его также пускали весьма неохотно, он прорывался, лишь когда его оставляли без присмотра. Подавляющее большинство не желало разговаривать, а нередко предпочитало не замечать мужчину вовсе.

На открытых участках тел несчастных палач видел следы от плети – скорее всего, так людей убеждали прекратить кричать или бросить мысли о побеге. Виднелись полосы от кандалов на руках и ногах, но не более. Истощение принесло куда больше вреда, чем мучители. С другой стороны, Кайрус встретил и нескольких пленников, которых подвергали пыткам. Чем одни представители знати отличались от других и почему кто-то заслужил особой жестокости, мужчина не знал. Он интересовался у главаря и стороживших его мужчин, но понял только, что пытать бастардов, коих оказалось намного больше, чем лордов и леди, считалось занятием неинтересным.

Наконец, после очередного обеда, явившийся побеседовать Ивтад предложил Кайрусу выпить. Палач не стал отказываться от возможности согреться. Главарю Культа подали изысканный по меркам лагеря ужин, и тот разделил трапезу с пленником.

– Многие мои братья и сестры прибыли, мы ждем припозднившихся. Еще немного, и, быть может, мы начнем без них. Совсем скоро все свершится. Кайрус, ты не представляешь, как долго и с каким нетерпением я ждал этого момента! По моим расчетам, осталось чуть более чем половина цикла. Начнется новая эпоха...

Рорри

Санфелл был огромен. По-настоящему огромен, прямо как говорил дядюшка Уоррк, как рассказывал Харг, упоминал лорд Экрог Редгласс, как описывал Ниллс. Когда-то очень давно, совсем в детстве, тогда отец Дримленса, живой и здоровый, путешествовал с наследником, Рорри бывал в главном замке Ферстленда, но не особо его запомнил. Тогда он ходил всюду в сопровождении, высоченные воины загораживали ему обзор, и он мог рассмотреть только своды потолков, голубые, с синими узорами и изображениями туч – от черных до белых, – упирающиеся в них колоннами с золотыми вензелями, и натянутые между них цепи. То, что помнил лорд, по-прежнему осталось, но теперь он мог видеть и остальное.

Санфелл поражал воображение. Говорили, что его строили неприступным, но прекрасным, величественным настолько, чтобы показать возвышенность королей. По мнению Рорри, те слишком уж стремились возвыситься, от этого становилось не по себе. Замок в Синем городе выглядел в разы больше, чем родной дом лорда, Профисайфелл, и был намного больше Мир-рорхолла. Санфелл превышал, пожалуй, в десять раз Шинфорт, а одна башня королевского дома выглядела массивнее всей крепости, в которую Рорри привел сир Цимт до встречи с культистами.

Людей в обители Старскаев проживало и неизменно находилось огромное множество. Замок Дримленсов вместе со всем их и внутренним и внешним городом, даже с казавшимся некогда мальчику бесконечным портом, мог с трудом сравниться с главным строением столицы и прилегающей территорией. Не покидая надежных высоких и крепких стен, на которых неизменно стояли караульные, лорд смог побывать и в саду, и у озера, и на огромной поляне, где развлекали себя верховой ездой, и на небольшом ристалище, где проводились мелкие турниры для развлечения короля и, бывало, сражались сами лорды, чтобы продемонстрировать умение владения оружием или повеселить сюзерена. Дримленс повертелся и у конюшен, и у площади, рядом с оружейными, где посменно практиковались в обращении с оружием рыцари и воины.

Пруды, дорожки, разнообразные цветы, множество беседок и статуй радовали глаз любого гостя. Как и вымощенные камнями, подобранными друг под друга, тропки для прогулок. Рорри только через два дня заметил, что причиной, по которой ему привиделось, что под ногами творится неладное, был не дождь – от главных ворот к замку вела широкая дорога, отличающаяся от остальной площади. Булыжники, из которых она состояла, имели удивительные цвета, от голубовато-серого они постепенно переходили в насыщенный темно-синий, причудливо поблескивающий при свете солнца и напоминающий штормовое море. Такой же цветной путь опоясывал главную лестницу перед центральным входом.

Аурон Старскай, будущий король, приятно отличался от образа, придуманного Рорри. Не слишком противный, неожиданно вежливый с западным лордом, принц рассказал, что перделали площадь совсем недавно, в самом начале правления его отца. Он же рассказал, что помогали Старскаям в этом Вилстронги, известные добытчики разноцветных камней. Они в течение многих лет подбирали то, что будет соответствовать задумке Его Величества, и доставляли в сундуках, по слухам, обитых бархатом, чтобы ни одна грань не пострадала при перевозке.

Принц был приветлив, любезен и улыбался Рорри при каждой встрече, но сын Тормера продолжал чувствовать себя некомфортно рядом со Старскаем. Дримленс понимал, что они совсем не похожи, он не знал, что значат эти улыбки, и сомневался в их искренности. Рорри не считал Аурана другом и не сумел бы принять его таковым – мальчики жили совсем в разных условиях, будущий король никогда не переживал того, что доводилось его гостю, он не успел набраться опыта и повидать мир, а вскоре они оба займут свои законные места и их общение сведется к обычным отношениям между вассалом и сюзереном.

Регент же, пусть и выступал на стороне Дримленса, когда тот прибыл и подвергся насмешкам, но был слишком стар, чтобы стать другом, и, что хуже, выглядел серьезным и был постоянно занят. В Санфелле проживало много детей прислуги, они помогали своим семьям, за что получали еду и крышу над головой. Но, приученные не прохлаждаться и выполнять работу, они не имели свободного времени или не желали проводить его в обществе знати – Рорри часто видел, как ребятня заканчивала игры при его появлении. Юные простолюдины говорили с лордом вежливо, кратко, только по делу. С одной стороны, сердиться на них не за что, а с другой – это расстраивало. Воины, рыцари, советники, писари, лекари – все они были заняты делами и имели какие-то иные развлечения. Те, кто спас Рорри от жестоких и безжалостных людей, сиры из Серого Ордена, отправились по новым поручениям, напоследок пожелав мальчику быть сильным и идти вперед.

Во всем огромном, кажущемся бесконечным замке, с его просторными залами, многоступенчатыми лестницами, обширной территорией и многочисленным населением, не было ни одного родного, близкого человека. Рорри не с кем было поговорить, и он остро ощущал одиночество. Пока Его Величество не проболтался, что о несчастьях Дримленса и похищении его сначала лордом Редгласом, а после и сиром Цимтом поведал Ниллс.

– Ниллс? – оживился наследник западных земель. – Он же... Его же убили! Или не убили? Он сумел выжить? Он и сейчас жив?

– Ниллс прибыл в Санфелл и явился как один из просителей в последний день цикла, – ответил принц. – Он выглядел не лучшим образом, милорд, и поведал о своих неприятных приключениях и отвратительном, недостойном рыцаря поведении сира Цимта и его товарищей. Сам Ниллс также поступил чрезвычайно неправильно, он поддерживал все деяния лорда Редгласа. Впрочем, он даже не отрицал проступков.

– Ниллс жив? – не унимался Рорри.

– Да, разумеется. Его Высочество приказал заключить Ниллса под стражу, но, поскольку он является ценным свидетелем и может быть полезен, его отправили в хорошие покои, где он до сих пор проживает. Лекари позаботились о его излечении. Я предполагаю, что ничто, кроме шрамов, теперь не волнует его.

– Но почему он в тюрьме? Ниллс помогал мне и защищал меня, и за это его отправили в тюрьму? – Лорд запада поднялся на ноги. – Это несправедливо!

– Милорд Дримленс, полагаю, вам лучше присесть обратно. – Будущий король удостоил Рорри чести сидеть с ним за столом во время завтрака. Может, раньше бы мальчик и был счастлив, что его возвысили до подобного ранга, но не в этот раз. Аурон вежливо указал вассалу на место: – Вы еще ничего не отведали. А Ниллс будет находиться там до прибытия лорда Редгласа и суда.

– А после?

– Полагаю, что это зависит от решения суда и слов самого милорда Редгласа.

– Я не хочу, чтобы дядюшку Экрога сажали в тюрьму. И Ниллса тоже!

– Милорд Дримленс, никто не станет обвинять лорда Редгласа в том, чего он не делал, или наказывать, не имея доказательств. Мы с Его Высочеством лишь желаем понять, что происходит в Ферстленде. Разве вы не желаете того же? Может быть, вы все же присядете?

Аурон Старской продолжал сидеть за столом, хоть и отодвинул от себя блюдо. Жест был сделан явно не потому, что правитель переживал о судьбе важных для Рорри людей, а потому, что его гость позволил себе нарушение всех давно заложенных и выполняемых на протяжении веков традиций и встал, следовательно, закончил завтрак раньше будущего монарха. Это дозволялось лишь в случае, если король давал на это устное разрешение либо была угроза для жизни лорда, его семьи или правителей Ферстленда и тому имелись доказательства в виде письма. Послания за столом читать разрешалось после второй смены блюд каждому, кого принц или

король пригласил лично – а вместе с тем отметил хоть и не как равного, но как доброго и ценного гостя.

Исключением из любых правил служили две причины – рождение первенца у кого-либо из присутствующих, благодаря чему лорд мог удалиться в любое время, и война, которая снимала любые ограничения. Во время войны подобные завтраки были редкостью, но тем не менее.

– Я должен поговорить с Ниллсом. Я хочу его видеть! – Рорри не стал присаживаться, а, напротив, вознамерился уйти. Дядюшка Уоррк обучал его манерам, и лорд помнил большинство из повторенных неоднократно слов, однако ему стало совсем не до того. – Ваше Величество.

Дримленс вспомнил о вежливости в самом конце, у двери. Поспешно поклонился, не дождался разрешения и вылетел. Когда слуга закрыл двери, Дримленс уже скрылся в коридоре. Он взбежал по лестнице, проследовал в Большой зал, затем сунулся в Башню Мудрости, а после обошел остальные места, где регент мог с кем-то беседовать, что-то считать или кого-то отчитывать, но так и не натолкнулся на Его Высочество. Рорри поднялся к покоям, но стража не позволила ему приблизиться к дверям в опочивальню Клейса Фореста и не отвечала, есть ли их хозяин в ней или нет.

Мальчик очень долго пытался добиться хоть какого-то ответа, просил, чтобы ему разрешили хотя бы заглянуть к регенту, уговаривал позвать его, если уж Дримленсу вход запрещен, и топал ногами, угрожая стражникам, пока наставник принца Ауруна не объявился.

Клейс Форест был высок, как герои из тех сказок, которые слушал в детстве Рорри, и напоминал украшающую главный вход в Профисайфелл статую Фралса Дримленса, построившего замок. Внук западного правителя заказал у камнетесов и скульпторов три статуи и бюст родственника. Последний до самого отъезда Рорри стоял в Большом зале, одна из статуй нашла пристанище у главного входа, а две другие были утеряны во время войн. Лорд Форест выглядел, как и прежде, доброжелательно-отстраненным, и, вероятно, слухи не врани – по-настоящему каменным. Жестким, твердым и непоколебимым. Это еще более роднило регента с изваянием.

– Вы выбрали не самое удачное время, чтобы навестить меня, милорд Дримленс. – Клейс держал в руках три толстые пыльные книги. Рорри не понимал, зачем опекуну Ауруна Старская что-то читать и учить, если тот уже добился всего, чего только может пожелать человек. – Я планировал посвятить время самообразованию. У вас что-то случилось, милорд?

– Да. Ниллс находится в тюрьме, а над дядюшкой Экрогом скоро будет суд? Это правда?

– Я думаю, что нам не следует это обсуждать прямо здесь. В неподходящем месте и в не совсем подходящее время.

– Я хочу поговорить с Ниллсом! Я могу поговорить с Ниллсом, Ваше Высочество? – Рорри припомнил изученные некогда речевые обороты, чтобы показаться вежливым и получить желаемое. Уоррк в свое время потратил много сил, чтобы вбить в голову воспитанника необходимые традиции, и в тот или иной момент они всплывали.

– Зачем вам переговаривать с человеком, который обвиняется во множестве преступлений, да и к тому же дважды похитил вас? Он желал променять вас на монеты либо на иное вознаграждение, и, тем не менее, вы желаете его видеть? Для отмщения? Сведение личных счетов до суда мне понятно, это не требует объяснений, однако я не могу дозволить этого. Ниллс важен как свидетель.

– Я ни в коем случае не желаю ему мстить!

– Можете называть это справедливостью или как-то иначе...

– Нет-нет!

– Тогда я не понимаю, зачем вам это.

Рорри вздохнул. Ему совсем не хотелось ничего пояснять. Регент смотрел на него и явно ожидал продолжения беседы.

– Он не виноват! То есть виноват, но я успел узнать его намного лучше, чем вы. Я видел, что он сделал для меня. Он оберегал меня, защищал и спасал, а я не слушался и делал все иначе, не так, как он говорил. Я делал все ему назло, а он и не думал меня обманывать. А когда те пришли, он отрезал веревку и сказал мне бежать... – сбивчиво объяснял лорд Дримленс. В его голове текст звучал намного лучше.

Несмотря на власть и внешнее могущество, регент, как показалось юному наследнику, не так уж умен, как про него говорят. Он не понимал ничего, что ему объясняли, не мог осознать, что даже простой смертный, человек незнатного происхождения, воин и никто более, может быть важен для лорда. Пожалуй, именно про таких дядюшка Уоррк говорил, что внутри красивой шкатулки есть только выдолбленное в дереве углубление. Может быть, это и есть правильное описание регента?

– Ниллс имеет для вас большое значение? – наконец поинтересовался мужчина.

– Да! – Неужели в шкатулке все же что-то имелось? – Очень большое. Мы много времени друг друга знаем. И он вез меня сюда...

– Милорд Дримленс, я сожалею, но встречаться с преступниками – не самое достойное занятие для лорда. Я бы сказал совершенно недостойное. Быть может, вы поищите друзей среди сверстников? В Санфелле нынче гостят шесть лордов с детьми, они принадлежат к Ветвям, однако среди них вы встретите троих юношей вашего возраста и двоих немногим вас старше... Они хорошо воспитаны, благородны и могут стать для вас добрыми приятелями.

Рорри очень хотел держать себя в руках, но Клейс Форест вызывал доверие, пусть и выглядел каменным, и в какой-то момент из лорда хлынуло все, что успело накопиться за несколько лет. Непрекращающийся поток изливался на голову регента, который после первых же выкриков, напоминающих истеричные, обнял за плечи дрожащего мальчика, провел в свои покои, где никто посторонний не сумел бы услышать беседы, и насильно усадил его на стул. А Рорри, не обращая внимания, лишь вещал и вещал, срывая голос на вскрики.

Наследник Тормера говорил о том, что испытывал, когда его похитили в первый раз, и каким образом пережил смерть Уоррка и свиты сначала во сне, а после и в жизни. Он рассказывал, что чувствовал, когда был вынужден находить общий язык с детьми лорда Редгласса и проживать в незнакомом доме, где из его личных вещей при нем оставались лишь залатанные одеяния. Он убедил не выбрасывать их, а постирать и отдать, чтобы хранить как память. Дважды он надевал камзол, а после тот стал мал, и Экрог убедил гостя расстаться со старым тряпьем.

Затем Рорри поведал о том, что Ниллс его спас – так он думал в первые сезоны, а после про переживания, когда герой-спаситель пропал из виду. О том, какие чувства овладевали Дримленсом, когда его отправили в Шинфорт, в страшное место, где к нему относились даже не как к племяннику правителя, а как к обычному мальчишке. Там его принуждали заниматься жутким и изматывающим трудом, смеялись над ним и поколачивали за любой взгляд и лишнее движение, а уж за ошибки... В данном случае преувеличение было уместным. А лорд Редгласс, которому Рорри доверял, не приехал и не спас воспитанника от избиений. И почти не писал.

Дримленс открыл регенту о страхе, пережитом им, когда мальчик понял, что его забирают из Шинфорта, чтобы вернуть в Миррорхолл и снова лишиться приятелей, ставшего добрым наставником сира Цимта и друга Нуака. И о еще большем страхе, когда лорд понял, что Ниллс похитил его и не собирается возвращать дядюшке Экрогу.

Рорри говорил о своих мыслях, о том, что, будучи сыном правителя, он может еще меньше, чем обычный вояка или оруженосец. Мальчик изливал душу, вспоминая, как они с Ниллсом добирались до Санфелла, о том, что пришлось пережить, слушая правду о лорде Редглассе, и сколь больно было осознавать себя как пленника и товар, а не как живого знатного человека.

Рорри вывалил на Его Высочество всю свою боль от страха и унижения, рассказал о каждой шутке Нуака и об ужасе, с которым осознал, что оруженосец не является его другом. Что никогда таковым не был. Как и остальные, которым ранее Дримленс доверял.

А после Рорри заговорил о культистах, сире Цимте, его брате, крепости, сражении в ней, мертвых на лестнице и во дворе, Серых рыцарях, которые также не стали отвозить его домой, а повезли в столицу, к Форесту и Старскую. И теперь Рорри находится здесь, как когда-то в Миррорхолле, и его опять принуждают искать себе товарищей. Для чего? Чтобы вновь, когда он приживется, отправить в новое место? Или для того, чтобы он пережил очередное предательство? Даже в Профисайфелле у старых приятелей и друзей теперь уже есть другие друзья, а у кого-то и семьи. А, быть может, они и вовсе не помнят Рорри как человека, лишь как лорда, и не захотят и переговорить с ним.

Его Высочество успокаивал лорда Дримленса. Пару раз он погладил мальчишку по голове и один раз обнял. Он позволил выговориться и, прежде чем говорить что-то, выслушал. Рорри был благодарен.

– Но почему для вас важен Ниллс, милорд Дримленс? Не зря же вы столь страстно желали его увидеть, что караулили меня у покоев.

– Ниллс добрый. Он пошел против меня только по чужой указке, а сам не хотел этого. Ему не надо никого убивать просто так, никого похищать или еще чего-то делать. И он все рассказал мне, как есть, всю правду. Ниллс учил меня. А когда на нас напали, он не думал о том, чтобы меня доставить или обменять на что-то, он отпустил меня и приказал бежать. Чтобы я смог спастись!

– Не думаю, что к своему похитителю вы должны испытывать благодарность, милорд Дримленс. Тем более после того как узнали, что он повинен в смерти ваших подданных.

– И Уоррка. Я знаю, что это Ниллс убил дядюшку Уоррка, но я его прощаю. У меня больше нет никого, кроме него и дядюшки Экрога, Хэга и Хельги. И Харга. Но я понимаю теперь, что лорд Редгласс ко мне хорошо относился потому, что я был ему нужен и выгоден, а Ниллс – не поэтому. А Хэг и Хельга были заодно с отцом?

– Ниллс утверждает, что они ничего не знали о делах отца и ни в чем не участвовали. Я не уверен, так ли это, но оснований лгать у покаявшегося нет.

– Думаю, это правда. Хорошо, что они дружили со мной не потому, что им приказали...

На некоторое время воцарилась тишина. Регент если и был озадачен словами Рорри, то виду не подавал, и мальчику думалось, все ли он сделал правильно, когда выплеснул мысли и переживания, обнажая душу. А может, Клейс Форест, как и другие, покивает, а после отправит лорда заниматься важными делами, учиться или и вовсе отругает за глупые слова и накажет? Сошлет на неопределенный срок в какой-нибудь новый Шинфорт.

– Я могу встретиться с Ниллсом?

– Да, – регент улыбнулся Дримленсу, и сын Тормера засиял от радости. – Но только если вы пообещаете впредь вести себя согласно этикету, следовать традициям, тем более в присутствии кого-то кроме Его Величества и меня. Кроме того, если вам впредь потребуется поговорить со мной, вы сообщите об этом как положено, а не станете караулить меня под дверью или, что еще хуже, с боем прорываться в мои покои.

– Я обещаю!

– Я распоряжусь, чтобы вам позволили встретиться с Ниллсом, когда вы пожелаете.

– Сегодня тоже можно?

– Сегодня? Ох, милорд Дримленс, хорошо. Нет-нет, погодите! – Регент остановил вскочившего на ноги Рорри и дал ему платок. – Для начала приведите себя в порядок. Про меня и без того ходит слишком много слухов, чтобы позволять вам выходить от меня в таком виде.

Регент подал кувшин с водой, чтобы Рорри смог намочить платок и протереть заплаканное лицо. А когда у наследника западных владений, по мнению лорда Фореста, не получилось

себя умыть таким образом, регент отобрал насквозь мокрый кусок материи и сам привел в надлежащий вид гостя Санфелла.

– Вы боитесь, что про вас пустят новый слух? – хмыкнул Дримленс. На душе стало значительно легче – то ли потому, что Клейс Форест разрешил ему встретиться с Ниллсом, то ли потому, что получилось выговориться, впервые за все время.

– Нет, милорд Дримленс, я опасаясь, как бы после всего, что вам довелось пережить, какой-нибудь из слухов не прицепился к вам.

Пока Дримленса не выпускали в город, для него подбирали охрану и достойное сопровождение, а в самом замке из слухов ходили разве что истории, что детей регента рождает ему не только законная супруга, но и любовница. Про любовниц и вовсе очень любили поговорить, особенно женщины постарше, из прачек, из прислуги и кухарок, но стоило западному лорду заявить о своем присутствии, как они замолкали. Воители, по крайней мере из тех, кого довелось встретить за короткий срок Дримленсу, предпочитали обсуждать женщин и brave похождения, порой эти разговоры вгоняли мальчика в краску, а иногда он слушал с интересом потому, что многого не понимал.

Его Высочество сдержал слово. Рорри пустили к Ниллсу и разрешили взять с собой угощений. Уверениям, что ценный свидетель преступлений Экрога Редгласса ни в чем не нуждается, мальчик не поверил, и два рослых и, как на подбор, усатых и худосочных сира из сопровождения помогали сыну Тормера дотащить все, что тот пожелал отнести к убийце своего советника. Значительную часть этого составляли разнообразные засушенные фрукты, высушенные облитые медом ягоды и коренья, проваренные с ягодами сладкие травы, орехи, перетертые с медом и вином. Рорри всегда любил сладости и твердо знал, что вкуснее их ничего нет. Он также знал и то, что взрослые часто пьют вино, эль или другие неразбавленные невкусные напитки. Он и сам, когда хотел казаться взрослее, пил неразбавленное вино или кислый эль с медом.

Впервые Рорри попробовал душистое, но горьковатое и обжигающее горло и внутренности пойло в шесть или семь лет – отец решил, что мальчику пора становиться мужчиной. Тогда содержимое кружки не понравилось Рорри, и он спойл его одному из псов. Тот охотно вылакал гадостный напиток и закусил случайно уроненным Рорри куском мяса. В тот раз пир у собаки вышел лучше, чем у наследника.

Сейчас вино так и не начало казаться вкусным, однако Ниллс был старше, вышел из простого народа, переживал мучительные дни в плену и, вероятно, мог пожелать утопить печали. Дримленс зашел вместе с рыцарями в трактир и по запаху выбрал два кувшина того, что мог назвать наименее противным. Рыбу, мясо, пироги, утку, набитую крупами с орехами и сушеными ягодами, фрукты, грибы – Рорри взял все, что ему приглянулось, и пусть этого и хватило бы на пир из нескольких человек, мальчику казалось, что угощений недостаточно. Не так много, как хотелось бы.

Рорри ожидал увидеть Ниллса истощенным и избитым, но слуга лорда Редгласса выглядел очень хорошо. Он совсем не походил на умирающего от голода, а от тех страшных ран, что оставили ему сир Цимт с прихвостнями, не осталось и следа. А может, они были надежно скрыты одеждами и Ниллс старался не обращать на них внимания?

Еще более удивительным Рорри показалось место обитания воина. Покои вместо камеры с каменным полом и решетками. Казалось, словно сын Тормера пришел в гости к знатному приятелю, который по какой-то причине, например по болезни, не покидал пределов собственной спальни.

– Рорри? – Ниллс был и удивлен и рад. Дримленс надеялся, что в самом деле рад. – Я счастлив, что с тобой все хорошо! Не думал, что увижу, но... Но что ты здесь делаешь?

– Хотел узнать, как ты себя чувствуешь... Убедиться, что ты жив. И сказать, что скоро тебя вытащу! Ниллс, я обещаю, что вытащу тебя из этого ужасного места, из жуткой тюрьмы... Из этого отвратительного города!

Фейг

Легенды и сказки – неотъемлемая часть жизни каждого ребенка. Они призваны не только и не столько развлекать, сколько заставить начать обучаться, делать выводы, строить какие-то предположения, видеть хорошее и плохое, обратить внимание на тот или иной род, задуматься о различиях и, напротив, схожести людей. Фейг нравилось слушать про свою Династию, ее отец олицетворял истинного Фореста, такой же высокий, могучий, суровый только на вид и легко находящий общий язык со зверьем. Плохих сторон в Райане девушка не замечала.

Кроме того, с самого детства леди знала, что ее избранник и будущий муж – Вихт Вайткроу, он и сам раньше любил об этом сообщать всей округе и радостно водил невесту за собой за руку. Разумеется, Фейг интересовало, что говорят о его семье и предках, и услышанное только подтверждало, что будущий муж – прекрасный человек из великолепного и достойного рода.

Когда урожденная Форест немного подросла, то начала проявлять интерес к историям других родов. Она не слышала только про Глейгримов и Холдбистов, пока окончательно не повзрослела. Легенду о Проклятом короле ей рассказала мать ее первого мужа, урожденная Глейгрим, – женщина чрезвычайно гордая своим происхождением, воспитанная, порядочная, статная, но порой очень уж волнующаяся по любому поводу. А легенды про родню Рирза не желал рассказывать никто. После прочтения записей в комнате бастарда Фейг поняла почему.

Девушка считала всякие упоминания о магии вздором, учителя обучали ее в первую очередь мыслить здраво и искать объяснение кажущимся невероятными вещам. А лорд Боуэн Хайтхорс просил не останавливаться на божественном вмешательстве, пока не придется отбросить хотя бы два иных варианта. Да, леди любила мечтать, этого не сумел отнять даже север, но ее мысли крутились скорее вокруг удивительных приключений, счастливой супружеской жизни, балов, приемов, плаваний до Новых Земель или еще дальше, разумеется, в окружении подруг, друзей, семьи и слуг. Она не мечтала о неведомых созданиях или нечеловеческих способностях. До поры.

Теперь же, когда ей пришлось столкнуться с собственными способностями, необъяснимым даром, отношение к детским сказкам начало переформировываться в нечто иное. А знакомство с Амфи и Оафи повлияло на леди Вайткроу и изменило ее отношение ко всему, что происходило в мире. Древний Культ Первых уже не казался состоящим из обезумевших душевнобольных мерзавцев, не желающих работать и способных только грезить о другой, сытой и счастливой жизни. С каждой новой просьбой к животным, которая заканчивалась удачно, мысли, что Первые могли в самом деле существовать, лишь крепились. Фейг было страшно от этого осознания.

Еще хуже леди пришлось, когда она поддалась искушению и порылась в вещах Рирза. Дело было не только в осознании подлости своего поступка, но и в том, что поиски завершились удачно. Удачнее, чем она желала.

Фейг убежала из помещения, закрылась в покоях и сутки не желала из них выходить. Псы были под дверями, птицы бились в окна, лошади чуть не разнесли конюшню, но в тот момент леди было все равно. Первые несколько часов она только металась из угла в угол, вздыхала, жалела доброго и ничего не подозревающего мужа, вздрагивала от резких звуков и представляла ужасающие картины – то, что может произойти, если Рирз выйдет из себя.

Немного успокоившись и найдя в себе силы унять дрожь, Фейг села писать Вихту письмо. Не меньше двадцати раз она перечеркивала, разрывала и сбрасывала со стола бесполезные куски папируса. К тому моменту, как девушка поднялась из-за стола, так и не написав приличного послания, пол вокруг был усеян целыми и разорванными листами.

А что, если это письмо, то, которое еще не готово, прочитает в первую очередь сын Рогора? Что, если новая леди Вайткроу сама обрежет своего мужа на погибель? Вихт доверял другу-северянину собственную жизнь и жизни семьи, чего уж говорить о письмах? Становиться виновницей смерти мужа леди не могла себе позволить, и эта страшная мысль прочно засела в голове. Она билась внутри в одном ритме с трепещущим сердцем, пугая более, чем осознание, что Рирз мог оказаться не тем, кем притворялся, быть хуже даже чудовищного лорда Холдбиста...

Требовалось придумать иной вариант, и тогда Фейг в голову пришла еще одна, не менее хорошая на первый взгляд идея – вызвать южанина домой. Положение Фейг позволяло прибегнуть к страшному оружию – упомянуть здоровье, придумать пару небольших и легко излечимых проблем, написать о беспокойстве за будущего наследника и ее настойчивом желании видеть супруга. Когда Вихт прочитает подобное, ни один северный лорд и даже сотня друзей не сумеют удержать его вдали от Фридомхелла. Дополнить письмо можно упоминанием про плохие взаимоотношения с Леоной, которая продолжала изводить жену брата. Фейг пришла к заключению, что идеальный выбор сделан, выпила воды, отдышалась прежде, чем снова брать в руки перо. Спустя всего четыре попытки собрать мысли вместе и грамотно изложить их на бумаге, она держала послание в руках. Леди подобрала те самые слова, важные и при этом не выдающие ее истинных страхов. Оставалось лишь отдать послание писарям или привести его в надлежащий вид твердой рукой, после того как страх отступит. Фейг колебалась, стоит ли посылать гонца или пару-тройку воров, но в конце концов решила сделать и то и другое.

Пока хозяйка замка страдала, день успел смениться ночью, служанки и придворные, которые ломались к ней в покои, устали и разошлись, псы поутихли, а птицы разлетелись. Визит к писарям пришлось отложить до утра. Немного пришедшая в себя и успокоившаяся Фейг заключила, что утром все станет понятнее, и принялась тереть платком перепачканные в чернилах пальцы. Пятна стали менее яркими, но окончательно не ушли, сколько бы леди ни мучила собственную кожу. Она смочила ткань слюной, из-за чего чернильные отметины лишь больше размазались, платок перепачкался, но следы длительного общения с пером и папирусом по-прежнему красовались на бледных руках.

Не желая ни с кем общаться, голодная и уставшая, обиженная на солнце, которое слишком рано зашло и не дало девушке возможность сразу же отправить спасительные строки, Фейг улеглась спать. Она думала, что не сумеет сомкнуть глаз и проворочается до восхода солнца, однако провалилась в сон сразу, как только опустила голову на подушку. Рассвет остался в далеком прошлом, когда служанки сумели наконец разбудить хозяйку Фридомхелла.

– Миледи... Миледи, завтрак ждет вас. Миледи, вам нездоровится? Позвать врачей, миледи? – Переживания отражались на внешнем виде Фейг. Одна из женщин помогла леди подняться, другая распахнула окно, а третья принялась махать руками над женой хозяина замка.

– Что? – Фейг щурилась, хотелось еще немного полежать в полумраке.

– Отвести вас к врачам, миледи? – снова повторила южанка, которую приставили к новой хозяйке сразу же по ее прибытии. Леди до сих пор не могла привыкнуть к Мииле: та много волновалась попусту, любила повторять одно и то же по десятку раз. Порой слушать ее было утомительно.

– Глупая, да чего ты спрашиваешь? – грозно возмутилась вторая дама. Она была прислана отцом еще для помощи со свадьбой, да так и осталась. Крупноногая, с густыми бровями, которые придавали ее лицу вечно сердитое и недовольное выражение, с сильным волевым голосом, она дружила с лекарской семьей и многому успела научиться у них прежде, чем лишилась мужа и детей. Женщина не рассказывала, что произошло с ее семьей, люди болтали, что она уехала из родного города в Гринтри и верно служила в течение почти десяти лет. Фейг в детстве боялась даму и прозвала несчастную Злобней. Кто ж знал, что после она станет одной из

самых преданных и способных служанок замужней леди? – Куда ты ее потащила? Беги скорее за лекарями и за Гроссмейстером! Миледи Вайткроу, вам лучше лечь...

– Нет-нет, со мной все хорошо. – Фейг сложно было бороться со Злобней и ее отрядом помощниц лишь словом. Она перестала держаться за руку служанки и самостоятельно направилась к тазу, чтобы ополоснуться.

– Миледи, ваши руки! О, Боги, что с вами стряслось?

Крупноногая служанка прижала пальцы ко рту, чтобы более полно выразить испытанный ею ужас. Остальные же громко заохали и снова засобирались бежать за лекарями.

– Это всего лишь чернила. Ничего более. Я вчера вечером много писала, очень устала, у меня не было сил, чтобы идти куда-то и отмываться перед сном. И в такой час было неприлично поздно, чтобы будить вас. – Несмотря на непрекращающиеся охи, служанки вспомнили об обязанностях, помогли стащить ночное платье, отчего леди поежилась и захотела вернуться в постель. Убежать ей не позволили и принялись в шесть рук расчесывать урожденную Форест, умывать, оттирать ее пальцы и одевать для выхода из покоев в свет.

– Леди не должна выглядеть недостойно, – Злобня вспомнила о поучительном тоне. – Вы скоро станете матерью и должны подавать хороший пример своему сыну и тем более дочери. Ложиться с грязными руками непозволительно! Хорошо, что вы не явились в таком виде к супругу. Представьте, что бы он подумал, приди он к вам и застань в таком виде... И вы не лорд-правитель, миледи, ничто не могло вынудить вас торопиться с написанием. Вам в помощь выделены писари, которые способны и сами изложить ваши слова на папирус, исправить то, что требуется, а после переписать столько раз, сколько вы прикажете. Хоть всю ночь, хоть трое суток подряд, не прерываясь на сон и еду!

Служанки обычно не смели так говорить с хозяйками и тем более лезть в важные дела, отчитывать и поучать, но Злобня была на особом положении – Фейг воспринимала ее как няньку. Она любила суровую женщину, хотя бы за то, что та являлась ниточкой, связывающей пережившую много хорошего и плохого жену Вихта с прошлым. С домом, Гринтри, где Фейг всегда рада, с местом, где отец воспитывает теперь уже нового ребенка.

С матерью у леди отношения были теплыми и дружескими, хозяйка Гринтри не прибегала к строгости сверх меры, но и Райан с появлением дочери стал папенькой. Самым близким человеком. Он смеялся над шалостями, часто защищал Фейг и не позволял лишний раз заставлять ее вышивать, вместо того чтобы отправлять на прогулку. Лишь дважды отец поступил неверно и расстроил Фейг – когда отдал ее Рогору и его никчемному сыну и когда не стал провожать дочь на север. Но на празднике в честь становления девушки женой Вайткроу леди поняла, что разногласия потеряли значение и обид больше нет.

– Леди, не извивайтесь змеей, нам вас не словить. – Злобня поймала морщинистой рукой плечо женщины. Ее руки, дергающие за шнуры платья, были холодными и жесткими.

– Мне холодно. – У Фейг мерзли руки, они сморщились от холодной воды, пока их отмывали от грязи.

– Мы грели воду прежде, но вас не добудиться, – проворчала в ответ женщина.

– Нельзя так говорить с леди! – охнув, возмутилась Миила.

– Почему я должна терпеть подобную грубость? – поддавшись подсказкам южанки и дурному настроению, поинтересовалась новая хозяйка Фридомхелла. Она снова попыталась повернуться и потянуть завязки, чтобы чуть их расслабить, но Злобня оказалась проворнее.

– Потому что я не боюсь говорить вам правду, миледи. И давать правильные советы.

Где-то в мыслях Фейг сама же дополнила этот краткий ответ – еще и потому, что служанка успела принять уже несколько десятков родов вместе с повитухами и еще трижды помогала роженицам, когда никакой другой помощи не наблюдалось. Кухарка в Гринтри могла и не разродиться, если бы Злобня, растолкав всех, не принялась давить на живот женщины, помогая протолкнуть сына. Жизнь далеко не всегда складывалась так, как хотелось, последние события

показали, что произойти может что угодно, и наличие под рукой человека с настолько хорошей репутацией и опытом действовало на Фейг успокаивающе. Служанка и правда имела право отчитывать леди и говорить подобным тоном. Она сама это прекрасно понимала и пользовалась положением.

Фейг, немного отойдя ото сна, вспомнила, что все же придумала верный способ возвращения Вихта с севера, и пропустила остальные нравоучения мимо ушей. Леди думала совсем о других вещах и была уверена, что уж перепачканные руки ее возлюбленный муж точно бы простил ей. И еще очень и очень многое, потому что искренне и взаимно любил.

– Ах, да. Вам вчера вечером пришло письмо, миледи. Я хотела передать вам его сразу же, но вы не желали никого видеть. Птичник сказал, что оно пришло с севера, от милорда Холдбиста.

От Холдбиста? Скорее всего, это послание от Вихта, они приходили раз в три дня, а бывало, что и через день. Леди выпрямилась и поспешила к столу, где Злобня сложила то, что принесла с собой, а за ней, умоляя остановиться и позволить дошнуровать верхнее платье, побежали служанки.

Развернув небольшой клочок тонкого папируса, девушка пробежалась глазами по первым строкам:

«Прекрасная миледи Фейг!

Я бесконечно рад, что вы не забываете обо мне, и еще более отраднo мне знать, что, вопреки вашему нелегкому положению и, я уверен, усталости, нередко сопровождающей вас, Амфи и Оафи не скучают, предоставленные лишь друг другу, а имеют удовольствие наслаждаться вашим прелестным обществом.

Сразу же отвечу на ваш излюбленный вопрос – наш горячо уважаемый и любимый лорд Вихт неустанно находится под моим наблюдением и ведет себя более чем прилично. Уж поверьте, от моего взора не ускользнет ничто. Я бы назвал поведение милорда достойным, несмотря на бесконечную и бессмысленную вражду с холодом – пока мой дорогой друг проигрывает по всем фронтам, однако сдаваться не желает.

Мы оба находимся в добром здравии, хоть и скучаем по теплым денькам и свежим фруктам...»

Читать оставшийся текст Фейг не хватило сил, она убрала от лица папирус.

Это было послание не от ее возлюбленного, а от Рирза. Того самого, который являлся сыном Рогора Холдбиста, потомка чудовищ... Того самого, который всенепременно должен что-то сотворить с ее супругом.

До тех пор пока леди не решила изучить покои бастарда, они с мужчиной вели приятную переписку, и его ответы, уже привычно-фамильярные, с шутками, чаще всего с грубыми, вещающие об успехах и севере, она ждала не меньше, чем посланий Вайткроу. Девушка освободила руку, выдернув ее у заботливых служанок, которые поправляли рукава, вернулась к первым строкам послания, пробежалась по ним глазами и почувствовала, как в ее горле разрастается ком. Она сглотнула один раз, второй, а тот и не думал никуда уходить.

Стыд сковал хозяйку Фридомхелла, чем воспользовались служанки, чтобы завершить свое дело – собрать леди до конца. Пока многочисленные шнуры и ленты продевали в специальные петли и завязывали бантиками, Фейг размышляла. И чем больше она погружалась в свои мысли, тем горестнее становилось на душе и тем более проявлялся на ее щеках стыд.

Да, леди Вайткроу временами немного опасалась Рирза, но она, несомненно, уважала его и испытывала самые теплые дружеские чувства к бастарду. Она знала его, беседовала с ним, когда сын Рогора жил на юге, была благодарна за спасение ее из лап северян и еще больше за помощь Вихту в Новых Землях. Девушка успела привыкнуть к своеобразному юмору северянина, не всегда понимала шутки, но старательно улыбалась. Порой Рирз казался слишком

взрослым и не похожим на привычных лордов и леди, но и в этой уникальности в том числе состояла его ценность.

Так почему же Фейг едва не решилась на бесчестный по отношению к доброму другу и спасителю поступок – при помощи обмана и манипулирования супругом оставить северянина одного? Именно тогда, когда он нуждался в помощи больше всего?

Бывшая Форест сама надумала что-то про одежды и упряжь, перевернула бумаги Рирза, копалась в них – за что по-прежнему чувствовала стыд, – словно специально искала какое-то доказательство, что-то, что могло скомпрометировать хорошего человека, и, найдя легенду, сразу же убедила себя в причастности бастарда ко всему ужасу, что может происходить в Ферстленде и Новых Землях. Без сомнения осудила хорошего приятеля, не дав ему никакой возможности оправдаться. Разве этому учила ее семья?

К тому же пока ни в одном письме не говорилось ни про каких чудовищ. Люди – вот кто в самом деле учинял бесчинства и уничтожал добрый мир, и будь описание дара Холдбистов настоящим, где хоть одно упоминание об их преступлениях?

Почему Фейг позволила себе усомниться в преданности и честности Рирза? Мужчина не заслуживал такого отношения, и даже если и был причастен к каким-либо отвратительным вещам, то как минимум имел право объяснить свои деяния.

Сын Рогора все время напоминал Фейг о страшных сезонах, которые она пережила в Фиендхолле, о своем отце и брате, о севере и одиночестве. Нет, он никогда, ни разу за все время знакомства не начинал данной темы, не сказал ни слова о Ротре Холдбисте, ни разу не упрекнул Фейг в чем-либо и всячески поддерживал. В тот единственный раз, когда они затронули тему правителя Холдбиста, их взгляды почти полностью совпали, но если леди предпочитала использовать аккуратные формулировки, то Рирз ничуть не стеснялся сквернословить, едко шутить и приводить такие сравнения, что щеки девушки вспыхивали помимо ее воли и с каждым новым словом краснели лишь больше.

В свое время именно ненависть к одному лорду сплотила их куда больше, чем любовь к другому, а тот разговор если и не сделал из них хороших друзей, то помог обзавестись тем союзником, который понимал как никто другой. Вихт поддерживал обоих, но на деле не испытывал подобных чувств к Рогору и, естественно, не мог в полной мере понять близких, хоть и очень хотел.

Последующие дни взволнованная и не знающая, что предпринять и что думать, Фейг не отвечала ни на одно письмо, но писала их сама. Она почти не покидала покоев и просила подавать ей завтрак и ужин. Леди передавала через Злобню и воребов послания в Гринтри, прося отправить легенды, которые имелись в отцовском книгохранилище, и размышляла. Новая Вайткроу не понимала, что ей делать – верить другу, который вернул ее возлюбленному и был опорой и поддержкой, или опасаться человека, способного разорвать упряжь и не испугавшегося убить собственного брата, пусть и на благо. О, про смерть Ротра леди не знала очень долго, пока наконец на свадьбе не услышала, что с ним случилось. Она вспомнила, как на мосту бастард выбрасывал в реку кошель и какие-то украшения. Тогда Фейг не придавала этому поступку значения, но после новостей о бывшем муже в ее голове все встало на свои места.

Разобраться в Рирзе девушке мог помочь тот, кто знал его лучше, чем она сама. Вихт находился далеко, ни про каких других друзей бастарда леди не слышала. Сын Холдбиста много с кем общался, обменивался ничего не значащими фразами или опрокидывал пару кубков, но по-настоящему теплые чувства он не испытывал ни к кому, кроме Амфи. Он притащил это существо, показавшееся поначалу Фейг отвратительным, опасным, кровожадным, и не одно, а с подружкой, и поселил так близко, как только получилось. Порой казалось, что если бы Рирз обладал даром переносить озера, то Амфи бы жил в самом Фридомхелле и следовал бы за бастардом в любом походе. Но, поскольку добиться этого не получалось, мужчина убе-

дил стражников охранять озеро, в котором теперь жила парочка, и, пока находился на юге, наведывался к синекожим каждый день.

Последнюю ночь перед отправлением на север Рирз провел на озере – Амфи, к которому леди теперь нередко приходила, чтобы развлечь скучающего плавуну, рассказывал ей об этом. Оафи также успела привязаться к бастарду и скучала по нему, хоть и более сдержанно выражала чувства. Голубокожий почти в каждый приход леди Вайткроу устраивал настоящую истерику, рыдая, что друг до сих пор не вернулся. Он даже порывался отправиться на север самостоятельно, пару раз продемонстрировал собранные вещи – несколько рыбешек, бусы из камушков, две ракушки с Новых Земель и золотую трость, способ добычи которой он так и не сообщил, и Фейг пришлось приложить много усилий, чтобы переубедить рыболода. Она пообещала, что как только Рирз сумеет наладить быт, то всенепременно подберет место для приятеля и лично явится за ним.

Морской житель был нетерпелив и капризен как ребенок и не уставал сообщать, что бастард Рогора не прибыл, ставя это в вину Фейг и громогласно сообщая, что невеста Вихта недостаточно старается с уговорами и убеждениями. Оафи, как и положено заботливой супруге, поддерживала спутника и нередко принималась громко клекотать вместо привычных человеческих слов, выражая недовольство. Леди Вайткроу задабривала голубокожую блестящими полудрагоценными камнями и украшениями. Со временем хитрая плавунья научилась использовать свой пронзительный голос, чтобы получить побольше подарков. Амфи же стойко противостоял искушению и воротил нос от любых переливающихся вещей, пока говорил про Рирза.

Рыболод познакомился с бастардом еще до его встречи с Вихтом, а значит, должен был многое узнать о приятеле. Должно быть, он смог бы охарактеризовать поведение друга в опасных ситуациях или тоже знал про легенду о Первом из Великой Династии? Почему-то только теперь, испытывая муки выбора, Фейг задумалась, что Амфи может знать намного больше, чем все человеческие приближенные Рирза, вместе взятые.

Весь путь до озера леди сопровождало целое войско из служанок, придворных, охраны и даже лекарей, которых теперь всюду гоняла следом за правительницей Злобня. Воины не отходили от Фейг до самого берега, и женщине пришлось приказать им просто стоять на страже и ждать, пока не понадобится помощь или кому-нибудь не будет угрожать опасность. Остальные же и без того предпочитали держаться от чудовищ в стороне. Желающих поквитаться с тварями почти не находилось, южане оказались довольно терпимы к любым необычным проявлениям, не вписывающимся в их уклад, если таковые не мешали. А вот обсуждать что-либо они любили, особенно по вечерам в тени.

Слухи, которые ходили раньше по замку и уже начали расползаться за его пределы и вешали о Рирзе как об укротителе смертоносных зубастых тварей, в последние циклы разбавляли историями о бывшей леди Форест, способной управлять теми же чудовищами. Некоторые даже додумывали родственные связи Рирза и Фейг, а порой высказывали мерзкие предположения.

– Фхейх! – Лысая голова показалась над водой. Существо раздвинуло губы и оскалилось.

– Я тоже рада видеть тебя! – А кого именно она рада видеть, леди пока не поняла. Голоса у мужчины и женщины были невероятно схожими, головы тоже, особенно когда те пытались улыбаться. Различить рыболодов возможно, лишь когда они выбираются из воды по пояс или же во время долгого полноценного разговора: Амфи впитал больше человеческого и изъяснялся почти как крестьянин.

– Я очень скучать. Ты привести Риис? – Теперь было понятно, леди разговаривала с Амфи.

– Нет, Амфи, Рирз пока не вернулся. Но он прислал письмо и передал вам подарки! – Леди заранее озаботилась тем, чтобы не приходиться с пустыми руками. Оказалось, что, кроме

украшений, морские чудища испытывают непреодолимую тягу к сладким фруктам, орехам и ягодам, зато терпеть не могут грибы – от них синяя кожа покрывалась черными пятнами, и Амфи с Оафи расчесывали ее. Впрочем, фрукты также были им не очень-то полезны.

Однажды, когда добрая леди принесла целую корзину и парочка никак не могла остановиться, закончилась история не совсем хорошо. Несколько дней Главный лекарь с помощниками и Гроссмейстер с армией мудрецов размышляли, как помочь страдающим голубокожим, совсем позабыв о страхах перед всеми, кроме сына Рогора. Амфи с Оафи плескались на мелководье, хрипели, извивались, словно змеи, кашляли и не давали спать жителям Фридомхелла и, разумеется, чувствующей вину Фейг. Леди вовсе не отходила от рыболодов. Немного настоек для пищеварения, пара суток, и все обошлось. С тех пор Фейг ограничивалась одним-двумя сладкими гостинцами, боясь повторения. Синекожие, как дети, забыли плохое и кланчили еще и еще.

– Сладкие камушки! – Вторая голова показалась над водой, стоило Вайткроу, присевшей на деревянном помосте, выступающем на десяток шагов в глубь озера, достать свежий фрукт из небольшой корзинки. Все, что не имело названия у голубокожих, они называли камушками – сладкими, солеными, кислыми, красочными, блестящими, злыми, мягкими или твердыми. Порой сочетали по два, а то и три слова.

Наблюдать за процессом кормления никому не нравилось – зубастые существа даже не знали, что означало слово «этикет», а из их ртов, не предназначенных для подобной пищи, вырывалось чавканье и урчание. Говорить с ними, пока они перемалывали в труху фрукты, пачкали лицо, а после длинным языком собирали с него сок, было бесполезно. Четверо воинов отвернулись – южане порой отличались излишней ранимостью.

Фейг, выросшая среди зверья, множества собак и рядом с медведицей, скорее умилялась. Она вручила каждому из парочки подарки из того сундука, который оставил ей Рирз перед отбытием, – бастард хотел, чтобы о его друзьях хорошо заботились, и попросил выдавать вещицы постепенно. Скорее всего, опасался, что иначе про него позабудут.

– Амфи, ты ведь знал Рирза еще до того, как с ним встретился Вихт? Ты рассказывал, что тебя поймали в сети, а он не позволил над тобой издеваться.

Мужчина, разглядывавший металлические пластинки, начищенные до блеска, кивнул и крякнул.

– Ты много времени проводил с ним?

В ответ снова послышалось кряканье.

– Я хотела спросить тебя, Амфи. – Существо подняло голову и уставилось на нее своими огромными глазами, по-детски добрыми. Рыболод не моргал, а Фейг не могла придумать, как бы начать разговор. – Рирз никогда не вел себя... Странно? Не так, как обычно.

– Риис – человек, – глубокомысленно ответил Амфи. – Он вести себя не как я привыкать. Все время так вести. Риис не любит плавать – странно?

– Многие не любят плавать, но я не совсем про это. Может быть, он становился другим и ты видел такое? Внешне, понимаешь? А может, не внешне, я не знаю, как оно должно быть... Может быть, ты замечал, что он начинал вести себя не так, как обычно, странно для него самого? – Существо продолжало смотреть на нее, от чего леди почувствовала упадок сил. Она села на деревянном мостке, свесив ноги. – Ох, я не знаю даже, о чем тебя спрашиваю...

Фейг замолчала, молчал и Амфи. Он поиграл с металлическими пластинками, а когда к нему подплыла Оафи, прижал их к груди. Морская женщина нашипела на спутника, отобрала новые игрушки, хоть у нее имелись и собственные, и поспешно ретировалась.

– Я понимать! – вдруг заговорил голубокожий. – Ты говорить про силы духов предков!

– Да, – закивала бывшая Форест, не понимая, о чем говорит Амфи, но, раз он что-то понял, пусть говорит. – Именно об этом!

– Рииса захватывать духи предков, когда он проиграть. Он плавать в тот день со мной на скорость и сердиться, когда я его обыграть каждый раз. Он поменяться тогда – стать сильнее, больше, как злой темный камушек, рычать громко-громко, так, что вся рыба и птица убежать. Его взгляд быть злой, я хотеть его успокоить, но он ударить меня и хотеть ударить еще. Я закричать, он нюхать меня и понять, что я – друг. Он тогда перестать бить и успокоиться. Я не бояться... Я знать про силы духов предков, ходящие-по-земле умеют пользоваться силой духов. Говорящие-с-духами помогать им обретать понимание. Но Риис другой, его сила духов больше.

Леди Вайткроу слушала Амфи и не могла понять, что ей делать – радоваться, что она поняла, в какую сторону двигать разговор, переживать за Вихта или принять услышанное за глупости. Быть может, бастард решил так подшутить над ней и подговорил добряка-рыболода помочь? Это было бы вполне в его духе. На самом деле Фейг даже надеялась в какой-то мере, что это шутка и вскоре Амфи не выдержит и скажет: «Ха-ха! Я пошутить над тобой! Мы с Риис долго думать над этот шутка». Так было бы проще всего. Но увы.

Вместо этого создание продолжало рассказывать. Амфи всегда был болтлив, а теперь, чувствуя полезность, превосходил сам себя.

– Я видеть, что духи в Риис сильнее. Когда Риис сердиться в лагере на всех, все начинать быстро-быстро уметь и делать так, как он хотеть. Ходящие-по-земле так не уметь. Злой Риис становится большим вожаком! Его люд понимать это. Слушаться, без этот... Без плохой слов и слез.

– Неужели все это происходит на самом деле? Рирз становился при тебе чудовищем? Он вынуждал людей делать что-то и запугивал их? Почему никто не рассказал об этом?

– Не запугивать! Риис не пугать людей, он говорить, хотеть, и они делать.

– То есть он... Он вынуждал их, но без страха?

Амфи согласно заклекотал.

– Ты хочешь сказать, что он... Подчинял их? Заставлял делать, как ему надо?

Мужчина снова издал такие же звуки, оскалился, вероятно, радуясь, что его поняли. Фейг было совершенно не до улыбок. Она хотела услышать правду и услышала ее, но на душе от этого не стало легче. Лучше бы она не заходила в покои сына Рогора!

– Фхейх грустить из-за меня? – Мужчина выбрался из воды на доски мостка. Охрана зашевелилась, но хозяйка Фридомхелла раздраженно махнула рукой:

– Нет. Конечно же, не из-за тебя. Я думала... Амфи, а тебе не было страшно, когда в Рирзе просыпались силы духов и он менялся? Он ведь хотел тебя убить!

– Я ничего не бояться, Риис мой друг! Он не хотеть убить, он испугаться меня, не узнать сначала... Риис защищаться, и силы духов помогать ему делать это. Это помогать обороняться, как мои зубы. Я мочь быстро-быстро плавать, а Риис не мочь и защищаться как уметь. Риис бояться причинять боль из-за силы духов, он рассказывать мне о страх, и я говорить ему, что надо учиться. Я помочь ему понять, что учиться – лучше, чем бояться. Я сказать ему тогда, что он должен быть как наш малек. Наш малек рождается на суша и не уметь плавать сразу. Плавать у него в крови, как летать у птица, но малек не знать об этом и должен учиться. Когда малек понимать и учиться, у него получаться и он верить в себя. Когда он верить, он вспоминать, что вода – его дом. Как Риис вспоминать, что его сила духа предков жить в нем всегда, он не стать бояться, он стать уверенный. Риис сильный. Риис как малек – должен побеждать себя и духа предков, Риис подстраивать под свой плавать течение или ломаться, и тогда течений сам подстраивать под себя Риис. Течение никуда не уходить, и Риис как малек не уходить. Риис понимать и сражаться.

У Фейг не нашлось, что ответить. Она молчала и даже не поднимала головы. Не могла, не хотела смотреть на водного обитателя, словно произнесенные слова исполнятся, лишь когда леди переведет взгляд.

Амфи же рассудил совсем по-другому. Он протянул искусно припрятанный от жадной Оафи начищенный металлический диск девушке. Наверное, чтобы ее подбодрить.

– Фхейх не должна бояться. Малек может ошибаться, но уметь выживать. Если малек сломаться или делать неправильно, он сумеет набраться сил и сделать другой выбор. Малек сильный, пока учиться. Так делать сам природ, чтобы малек выживать.

Тордж

– Это бесчеловечный поступок, Клейс! Отвратительно бесчеловечный.

Рыцарь отказался присаживаться и теперь расхаживал по Малому залу, широко шагая, и потому был вынужден часто поворачивать, так как помещение кончалось. Он всегда говорил громко и отчетливо – так его некогда научил наставник, и хорошая привычка осталась, но теперь он переступал грань дозволенного и, можно сказать, кричал. Мужчина понимал, что не стоит поступать так с человеком, который был не только его другом, но и к тому же регентом, превышая полномочия и повышая голос, но не сумел вовремя остановиться.

– Тордж, прошу, довольно! И без твоих криков я утомлен, – регент потер костяшками виски. Он жаловался на утомление и головные боли очень редко, и если таковое случалось, то и в самом деле следовало бы замолчать. Но негодование сира, бурлящее в нем со вчерашнего вечера, извергалось теперь подобно потоку воды, который прорвал запруды.

– Ты не такой человек, каким пытаешься казаться, Клейс! Это не ты говоришь, а усталость и злость на лордов, которые не желали тебе подчиняться. И злость на сира Саттона, на леди Шау Лоудбелл, на культистов... Да на всех! Ты сердишься, я понимаю. – Рыцарь остановился на полушаге и с глухим звуком оперся руками о противоположный от регента край стола. – Но ты не должен решать судьбу человека, когда ты зол. Тебе надо бы обдумать все еще раз, взвесить, и только после...

– Тордж, я не знаю, почему ты решил выступать в качестве защитника молодых лордов, но заверяю тебя, они вполне в состоянии постоять за себя. Самостоятельно, мой друг, а о твоей помощи после и не вспомнят.

– Не ради того я здесь. – Тордж продолжал насаждать на дерево, но оно было крепким и не думало проявлять слабости и скрипеть.

– Ох, ты перестал мельтешить... Наконец-то! Присядь и поведай мне, по какой причине ты проникся симпатией к одному-единственному участнику войны? Всего с полсезона назад ты придерживался иного мнения.

– Я видел его там, в те дни. Растерянный и глупый мальчишка, который не ведает, что творит. Он не желал намеренно идти против тебя и враждовать с короной. У него не имелось подобных мыслей! Он не думал о твоих указах в те моменты... Полагаю, он ни о чем вовсе не думал. Его терзала лишь одна навязчивая идея – желание помочь матери, позаботиться о ней. Только это, Клейс.

– Нет, Тордж. Это ничего не меняет. Я много раз слышал подобные объяснения любых поступков. Никто не желал намеренно вредить мне, возможно, я соглашусь с этим и в данном случае – милорд Робсон Холдбист и правда не ставил перед собой подобной цели. Но это не значит, что теперь всякий может притвориться несмышленным и наивным ребенком, тем самым получая оправдание любым поступкам и грехам. Нет. – Регент оторвался от растирания висков и поглядел на стоящего рыцаря. Тордж не желал садиться, и это нервировало мужчину, сир это знал. Он очень давно жил в Санфелле и много лет провел в обществе Фореста. – У всех участников конфликта есть матери, жены, дети, братья и сестры... Я могу перечислить еще несколько ступеней родства и припомнить друзей, но стоит ли? Все они, разумеется, радели лишь за благо и честь своей семьи и ни в коем разе не думали, что их поступки могут обернуться таким образом. Страшная оплошность! Невероятно, как подобное вообще могло случиться?! Нет-нет, то лишь наговоры, и не больше. Как же, разве ж кто мог знать, как оно случится? Ах, как же неприятно получилось, но я больше так не буду! Даю вам слово!

Форест скривился и говорил более высоким голосом, пытаясь сделать его то писклявым, то грубым. Получалось у мужчины не то чтобы хорошо, но довольно смешно. Тордж чуть отвлёкся от серьезности происходящего.

– Не улыбайся, они в самом деле могут заявить нечто похожее и будут искренне рассчитывать на благосклонность. А когда я ее не проявлю, назовут тираном и деспотом. Я знаю, о чем говорю. Проклятый регент и самый жестокий лорд за всю историю существования Ферстленда – вот кем я стану. И не важно, что я совершу после. Даже если на следующий день я оправдаю убийцу брата, ненавистника короны или главу Культа Первых. Понимаешь? Сколько бы добра я ни совершил, запомнят только то, что кому-то не по душе.

– Но...

– Если же я сейчас отступлю и не стану их наказывать, то... – продолжал тем временем Клейс, он хотел выговориться, и сир покорно замолчал. – Ты и сам понимаешь, что дело даже не в репутации – испортить ее или исправить мне не под силу только одним поступком – но если я спущу им одну войну, новая последует незамедлительно. Если я буду слишком мягким, то на мою шею усядется все королевство, возьмет в руки вожжи и будет командовать мне, в какую сторону поворачивать, время от времени весело понукая. Если же я покажу себя чрезмерно жестоким, я смогу пробудить лишь ненависть в сердцах подданных Аурана, и это приведет к новым бунтам, а их нам уже довольно. Ни первого, ни второго мне не надо. И что из этого страшнее, я и не знаю.

– Но я не прошу тебя прощать всех!

– Да, ты просишь пощадить того самого лорда, который ослушался моего указа наигрубейшим образом. Я не могу. Говорил тебе это не единожды; озвучивал вчера, сегодня и повторяю еще раз – я не могу спустить ничего этому молодому лорду. Не могу, Тордж. И не хочу.

Рыцарь был готов зареветь как раненый буйвол, он рассчитывал, что за ночь регент успеет немного поразмыслить и примет верное решение, но куда там? И когда Клейс успел обзавестись столь жестким панцирем и превратиться в черствого сухаря, не сочувствующего молодым оступившимся лордам? Совсем юнцам, только отлипнувшим от материнской юбки! Неужели, пока рыцаря из Серого Ордена не было в городе, успело произойти нечто из ряда вон, что сломило сильного, несклоняемого и достойного уважения лорда Фореста? А быть может, он всегда был таким, но только теперь рыцарь сумел разглядеть изъяны?

Его Высочество настаивал, что издал указ и донес его до сведения северного лорда раньше, чем тот отправился на войну и предупредил о возможных последствиях. Не только Робсона Холдбиста, но и других, чтобы более никто из них и не подумал впутываться в конфликт. Тордж в те дни искренне поддерживал друга, более того, он присутствовал, когда писали первый вариант, помогал вносить правки, и именно на его плечи легла обязанность отобрать гонцов. Лучших, тех, кто сумеет быстро развезти послание лордам всех Великих Династий и Ветвей, чтобы те, в свою очередь, озаботились оповещением Малых Ветвей.

Тогда рыцарь полностью поддерживал жесткие меры и надеялся, что не найдется дураков, которые посмеют пойти против слова регента. А если и найдутся, то пожалеют об этом.

Кроме того, рыцарь согласился и с тем, что для нынешних участников конфликта также необходимо будет привести в исполнение хоть какие-то наказания. Эта жестокость нужна, чтобы в будущем лорды понимали, что решать недовольства подобным образом совершенно недопустимо. Регент лишь пытался донести не только до виноватых, но и до остальных, что для урегулирования проблем стоит обращаться к сидящему в Санфелле на троне королю, его советникам, наместникам, наставникам и прочим мудрецам, непредвзятым и заинтересованным в процветании Ферстленда людям, желающим всенепременно помочь разобраться в ситуации, а не рубить сгоряча. Да, в те дни Тордж поддерживал друга, но не теперь.

В глубине души сир осознавал, что зря грубит Клейсу. Понимал и то, что его подозрения об испортившемся характере регента появились лишь из-за нежелания друга соглашаться с рыцарем. С первой встречи с молодым наследником северного трона, который напоминал рыцарю его самого в беззаботные годы, даже больше, чем средний и самый любимый из сыновей, проживающий в Синем городе – несмотря на сложности в виде обета, отношение с некото-

рыми отпрысками у Торджа сложились прекрасные, – и до того момента, как лорда Холдбиста взяли под стражу в Санфелле, чтобы отвести в причитающиеся ему тюремные покои, рыцарь успел прикипеть к юнцу. Робсон осознал совершенную ошибку только спустя несколько дней разговоров во время путешествия до Санфелла и продолжал выглядеть потерянным весь поход. Он беспокоился о том, что может случиться с матерью, женой и его отпрыском, если король и советник Старская сочтут Робсона виновным, но долго не спрашивал о собственной судьбе.

Юный лорд-правитель поверил обещаниям рыцаря, что женщин и детей лорда, тем более тех, которые еще не способны разговаривать и ходить, никто и ни в чем не станет обвинять, и успокоился.

Лишь много позже прохождения середины пути, уже недалеко от земель Лоудбеллов, которые радушно согласились принять в Ворнингбелле знать и накормить войско, после разговоров с Глейгримом и Флеймом, Робсон вдруг совсем поник. Юноша явился к рыцарю, стоило только солнцу взойти:

– Это правда? То, что поведали мне милорды? Казнь не ждет их, хоть они и воевали, а меня Его Высочество хочет видеть в столице лишь затем, чтобы отдать для наказания в руки палачей?

Тордж не знал, как ответить так, чтобы не давать лишней и беспочвенной надежды, но и подтверждать верные слова правителей Династий он не желал.

– Вы молчите потому, что это правда? Я понимал, что меня ждет наказание. Я готов был примириться с ним, ведь и в самом деле виноват, но казнь... Я не желал ничего дурного – лишь защитить своего родича! Ради матушки. Мне нет дела до войны и земель, я вовсе не мечтал ни о какой награде. Ничего мне не нужно было, кроме справедливости, кроме помощи семье. Смерть – это слишком жестоко для... Для всего. Я совсем не хочу умирать, я не успел ничего... А моя матушка? Она сойдет с ума от горя. – Холдбист не переживал за себя, а горевал о женщинах семейства, и от того Тордджу сделалось еще более не по себе. – Сестренка будет плакать. Она потеряет уже третьего брата. А моя жена? Она станет вдовой в столь юном возрасте, с одним-единственным ребенком... Она не сумеет более насладиться обществом мужа. Никакого мужа! Это несправедливо.

– Милорд Холдбист, разве вам не приходил указ регента? – До последнего Проницательный сохранял отстраненность настолько, насколько мог.

– Приходил, наверное. Я не помню... Я был расстроен пропажей отца, отряды ничего не нашли. Дядя Ренрог тоже отправился на поиски. Быть может, я упустил что-то, что было написано меж строк?

– Его Высочество не писал меж строк. Он предупреждал, четко формулировал каждое послание, и, скорее всего, мои братья зачитывали вам все, что хотел донести регент – мы стараемся быть исполнительными, и если нам сказано донести до сведения, то так и происходит. Вы подписывали бумагу о получении вами указа?

– Не знаю. Я что-то подписывал, когда прибыли рыцари. Мне сказали, что надо это сделать, и я подписал, ведь так положено. Я увидел их, сир Тордж, и подумал, что они хотят сообщить мне об отце – он ведь направлялся из Санфелла, когда пропал. Я полагал, что они знают, но они говорили совсем о других вещах. И матушка, она тоже вышла встречать рыцарей и была убита горем, когда поняла, что эти люди не принесли никаких вестей. Ей сделалось дурно, и я подписал все, что мне давали, чтобы сиры оставили нас в покое и ушли. Ох, помнится, я повел себя как плохой хозяин – я даже не пригласил их отдохнуть с дороги... Надеюсь, они не в обиде!

– Милорд, доказать, что вы не ведали, что творите, будет невозможно. Если вы поставили свою подпись, если вы заверили свой ответ об осведомлении гербовой печатью, то каким образом регент должен понять, что вы не лжете?

– Но ведь я не лжец! И моя матушка подтвердит это, если потребуется. Я никогда не врал ей, даже когда я делал что-то неправильно, то признавался в этом.

– Боюсь, вы уже не ребенок, чтобы за вас говорила леди Холдбист.

– Я понимаю. Что же мне делать?

В тот день сир Тордж вспомнил историю о юном оруженосце, которого хотели осудить за воровство. Ученик рыцаря, послушав друзей, явился в королевскую кухню, прошел через незапертые двери, набрал для себя и товарищей свежего хлеба, пирогов и собрал целую корзину мяса с сыром. Когда его спросили, что он забыл там, мальчишка заявил, что ему разрешил это делать сам Его Величество, и ушел с гордо поднятой головой.

Уже к вечеру того же дня глупца поймали и отвели к советнику, где, в процессе долгих расспросов и благодаря дотошности мудреца, удалось выяснить, что несколько бастардов и пятый сын лорда Ветви Лавсторм решили таким образом подшутить над только учащимся читать оруженосцем. Они подсунули мальчишке королевский указ, что был отмечен подписью и печатью, указали ему на слова «сыр», «хлеб», «рыцари» «воспитанники сиров» и «дозволено» и сказали, что эти бумаги доказывают, что ученики рыцарей могут брать все, что им необходимо для питания, прямо с королевской кухни. Указ, как несложно догадаться, не имел к этому никакого отношения.

Поскольку у грамотных приятелей случились боли в ногах и животе, а некоторые сказали, что не хотят появляться на кухне потому, что поругались с мальчишками-слугами пару дней назад, вызвался тот самый оруженосец. Его отправили бы на виселицу, но советник постарался выяснить полную картину произошедшего, а Его Величество заступился за мальчишку и простил тому украденное пропитание.

После неприятной истории тот оруженосец первым делом научился читать, затем понял, что сразу верить в невиновность или, напротив, вину человека не стоит ни в коем случае. А после он же, спустя всего несколько лет, стал рыцарем и получил оправданно прозвище Проницательный. И никто уже и помыслить не мог о том, чтобы припомнить сиру то самое воровство, хотя многие из тех, кто теперь был его братьями, прекрасно знали об ошибке и спасении.

Может быть, именно потому, что лорд Холдбист говорил и выглядел очень похоже на того неспособного думать наперед оруженосца, обманутого своими же, сир захотел помочь юноше. Маловероятно, что Робсона в самом деле пожелали выставить в дурном свете, кому бы это могло потребоваться? Быть может, братья не зачитали лорду указ, а сам он не нашел для этого времени. Быть может, он не осознал всей серьезности сказанного Клейсом. Бывало, что правители грозились, но ничего не воплощали в жизнь. Да, это не являлось оправданием, но, тем не менее, Тордж обязан был вмешаться. Сир не позволит несправедливости свершиться – в конце концов, рано или поздно приходит время раздавать долги. Спасение за спасение.

– Что же сподвигло вас оставить миледи Холдбист в столь страшное время, когда пропал и ваш дядя, собрать войско и отправиться на войну?

– Матушка узнала, что теперь главный враг ее племянника – Зейир Флейм. Мы виделись с ним на нескольких праздниках, но она знала лорда куда лучше. Она поведала, что лорд Флейм страшный человек, говорила, что ему надо лечиться на острове Фейт, и еще много всего, после чего ей сделалось хуже. Лекари смогли ей помочь, но она все время переживала и винила себя в том, что не может уберечь от чудовища сына дорогого брата. Болезнь не позволила ей добраться до Этернитифелла и проститься с Джуром Глейгримом. Матушка говорила, что, кроме меня и Рианы, лорд Раял ее последний родной человек, ведь Хагсон уже, скорее всего, мертв. Она так переживала из-за брата милорда Глейгрима, так переживала. И беда с Ротром...

– Вы очень близки с миледи Холдбист, – заметил вслух сир Проницательный.

– Отец уделял много времени Ротру, мой брат должен был перенять место правителя и потому нуждался в постоянных советах и уроках. Матушка переживала, что рано или поздно

Риана оставит ее и отправится в дом мужа, а Ротр – займется делами. Она верила, что я всегда буду рядом с ней. Ох, что же будет с матушкой, если она узнает, что мне грозит? Не говорите ей, если меня казнят! Прошу вас, не стоит. Это разобьет ей сердце!

– Я уже говорил вам, милорд Холдбист, что переговорю с регентом и попробую вам помочь. Я не отказываюсь от своих слов. Скорее всего, вам придется очень стараться после, чтобы заслужить вновь доверие Его Высочества. Уверен, что у вас это получится. Не переживайте до того, как беда успела коснуться вас, быть может, вам даже не станут ставить в вину подобную глупость...

Но лорд Форест ничего не забыл. Главных соперников, непримиримых врагов, тех, кто и был повинен в войне, лорда Глейгрима и лорда Флейма не стали заключать под стражу, они находились в замке скорее как гости, а Робсона почти насильно, как щенка за шкуру, уволокли рыцари из Серого Братства. Все время, пока лорд Холдбист мог, он вертелся и смотрел на сира Торджа, надеясь на его помощь. Так, как в свое время Тордж смотрел на наставника, извиваясь в крепких руках стражи.

Воспоминание вынудило рыцаря тут же явиться с просьбой о пощаде для северного лорда, и, почти не осознавая неправильности деяния, сир принялся наседать на друга. Можно сказать, что он не давал тому прохода, будто Клейс обратился в привлекательную незамужнюю леди, единственную на весь город, а рыцарь – в молодца, только что вернувшегося из полного лишений похода со славной победой. И чем больше регент отмахивался от него и заявлял, что сам в состоянии решить, что делать с лордами, тем больше Проницательный сир желал добиться справедливости.

В какой-то момент Тордж осознал, что уже изрядно потрепал нервы Его Высочеству и утомил его, однако не остановился. И не только потому, что видел в лорде Холдбисте родственную душу. Уже много лет он жил в мире и спокойствии, у него не было необходимости противостоять кому-либо и чему-либо, добиваться, идти к цели, которой как таковой и не было. Северный лорд, кроме нереализованного потенциала заботливого отца, кроме воспоминаний о несправедливых обвинениях, пробуждал в мужчине давно позабытую жажду добиться своего. В Проницательном разыграло стремление перестать плыть вместе с течением реки, он возжелал деятельности, хотел снова проявить себя. Те ценные качества, за которые регент уважал приятеля, вмиг испарились, когда он получил первый отказ.

Добиться оправдательного приговора теперь стало навязчивой идеей. Кажется, он уже слышал о подобном помутнении разума, такое случалось с засидевшимися в замке рыцарями, которые слишком быстро достигли высокого положения.

– Но ты можешь придумать, как наказать его иначе. Необязательно казнить. – Тордж совершенно не был способен в тот момент на гибкость, равно как и обратить внимание на нечто иное, что надвигалось, подобно огромному валуну, стремительно катящемуся с холма.

– Прости, сир Тордж, но я сам буду решать, что делать с лордом Холдбистом на суде, – грубо ответил регент, – и сам приму решение, то, за которое после буду отвечать. Сам.

– Но он наследник севера... Единственный оставшийся сын Рогора Холдбиста! – предпринял последнюю попытку рыцарь, но его собеседник нахмурился и вновь потер виски, на этот раз кончиками пальцев.

– Тише, Тордж, говори тише. Право, уже сил нет от вас, крикунов... Милорд Робсон не единственный.

– Но его брат мертв, и больше братьев у него нет, и...

– Не лезь в это дело, Тордж. Я прошу тебя. Мне лучше знать, кого сажать на который из тронов. У меня есть для тебя более важные поручения, и с ними ты справишься намного лучше, чем с решением того, кого казнить, а кого – помиловать. Мне нужно, чтобы ты отправился в...

– То есть ты считаешь, что я глуп для важных решений и гожусь только для того, чтобы развезжать и доставлять кого-то в Санфелл или из него, а ты уже сам будешь думать, что с

ними делать? Я слишком глуп, чтобы высказывать свое мнение и помогать тебе делать выбор? – вспыхнул Проницательный сир.

– Нет. Но ты сейчас слишком разгорячен, чтобы здраво принимать решения. К тому же, мой друг, я не хочу, чтобы ты корил себя за неверный выбор. Это моя участь, и я буду нести ответственность за каждый свой шаг и шаг каждого из лордов, пока Аурон не станет достаточно взрослым и мудрым, чтобы взвалить эту ношу на свои плечи. Но и тогда, я надеюсь, он не понесет ее самостоятельно. Я услышал тебя, я учту все твои пожелания. Запомню их, но окончательно решать будет суд лордов.

– Но ты ведь уже знаешь, чем в итоге суд закончится для мальчика-северянина?

Регент не смотрел на рыцаря. Он не убрал пальцев от висков и продолжал медленно массировать голову.

– Ты уже принял решение, и что бы я ни говорил, тебя не переубедить, верно? – Регент продолжал молчать. – И ты знаешь, что большая часть лордов поддержит тебя, что бы они на самом деле ни думали на этот счет. Ты ведь знаешь, чем все закончится, но не хочешь мне говорить потому, что я буду огорчен?

Клейс, все так же не поднимая головы, кивнул. Рыцарь с силой оттолкнулся от столешницы. С такой, что вполне мог бы взлететь, если бы доспехи не прижимали его к земле. Хотя какой-то прок был в постоянном ношении тяжелой кольчуги и остальных нелегких элементов.

– Тордж, – Его Высочество встал и выпрямился, – не думай о том, что изменить ты не в состоянии. Сейчас происходит много того, чего я не понимаю. Однако твердо знаю, еще не одного лорда ты пожалеешь. Сейчас я могу доверять небольшому кругу людей, и тыходишь в их число. Твое мнение имеет для меня значение, что бы ты ни говорил сейчас, ты думаешь иначе и сам понимаешь это. Если и правда желаешь помочь невинным, то отправляйся в Миррорхолл и привези лорда Экрога Редгласса. У меня к нему очень много вопросов, и раз уж часть лордов здесь, а некоторые вскоре должны явиться, то самое время решить разом все проблемы, верно?

Тордж ничего не ответил, он сердился на друга, но не хотел портить с ним отношения еще больше и тем более ругаться, когда у регента и без того больная голова. Королевство разваливалось, в Новых Землях тоже назревали проблемы; дары, пробуждающиеся в потомках Первых, лишали сна любого, а Форесту приходилось думать разом обо всем.

– А после, когда убедишься, что лорд Редгласс направляется в Санфелл и вскоре предстанет передо мной, то отправляйся за Мортонем Бладсвордом. Он меня порядком утомил, не явился, хоть я и присылал ему приглашение, и ведет себя крайне недостойно наместника. Мне уже давно хочется поговорить с ним по душам. Ты меня слушаешь?

– Да, Ваше Высочество.

– Полно, Тордж. Я ценю тебя как советника и друга, уважаю и всегда готов прислушаться, но в этот раз, к сожалению, твоих аргументов недостаточно, чтобы я согласился с тобой.

– Но ты подумаешь еще раз, прежде чем принимать решение? Клейс, этот мальчик не жестокий правитель, он не желал воевать только ради войны, а только потому, что заботился о семье. Милорд Холдбист скорее похож на Мауга, так же привязан к матери.

– Твоему сыну Маугу девять.

– А привязанности столько же. Всею виной женское воспитание, он не должен был занимать место брата.

– Я подумаю.

– И он последний сын лорда Рогора Холдбиста и... Погоди, а что значило твое «не единственный»? – запоздало понял смысл сказанного сир. – Ты же не думаешь, в самом деле, про того бастарда? Клейс, это незаконнорожденный отпрыск, у него нет титула, нет прав, нет... Ничего нет.

– У него есть кровное происхождение и амбиции, он может стать верным и благодарным, что нынче важно, союзником. Послушным. Учти, что теперь у него есть влиятельные друзья, особое расположение двух Великих Династий. Неплохо для обычного бастарда, которого не переносил на дух собственный отец?

– Откуда ты это знаешь?

– Я интересуюсь слухами не только о себе.

– Так ты хочешь освободить место для этого бастарда? А как же тот лорд Робсон?

– Я же сказал, что подумаю. – Клейс протянул Торджу несколько листов пергамента, каждый был запечатан королевской печатью. На одном из листов, на краю, красовался герб Бладсвордов, а на двух других – Редглассов. – Бери с собой столько человек, сколько посчитаешь нужным. Я полностью тебе доверяю, никто не справится с этим лучше.

Более до самого отъезда друзья не разговаривали – Форест находил себе сколько угодно дел, чтобы только не продолжать ссоры. Тордж отправлялся в Миррорхолл с тяжелым сердцем, в котором бурлила обида и даже злость на Его Высочество.

Райан

Лорд Райан Форест испытывал невероятное, всепоглощающее чувство стыда, от которого его щеки то и дело краснели, стоило кому-нибудь заострить внимание на особо волнующих деталях. Во-первых, его спасала женщина, и как бы искусна она ни была в обращении с оружием, она оставалась представительницей прекрасной половины населения Ферстленда и Новых Земель. Во-вторых, правитель чувствовал влечение и интерес к, по правде говоря, давно изуродованной и совершенно непривлекательной женщине – в Мэнди бурлила сила, она была диковатой, совсем иной, это завораживало и увлекало. Спустя несколько часов после знакомства ни шрамы на лице и шее, ни множество раз сломанный нос с двумя горбинками в тех местах, где он срастался, ни паутина тонких и свежих порезов от веток и высокой травы, через которые пробиралась воительница, ни совершенно неженственная фигура и походка не отталкивали. Амадинллин говорила по-иному, непривычно, порой ее речь веселила Райана обилием логичных, но дикарских названий, вроде «дома из камней», которое, как довольно быстро смог понять лорд, означало «замок».

Правитель всегда имел свой, отличающийся от большинства вкус на дам и свое отношение к красоте, он никогда бы не посмотрел на Мэнди, если бы увидел ее в толпе. Было стыдно говорить такое вслух, но в тот день он не сразу распознал в ней представительницу слабого пола. Однако после многих дней в мужском обществе, после опасных ситуаций и разочарований, после страха за собственную жизнь и жизни своих подданных женское общество стало настоящей отдушиной. Подарком.

Безусловно, за годы совместного проживания с супругой Райан полюбил ее. Мужчина уважал Кейдс, понимал, что не посмеет увлечься другими женщинами – и вовсе не только из-за того, что опасался женских слез и расправы от вспыльчивой жены, наделенной силой рослого мужчины, но и потому, что после не сумел бы уважать сам себя.

В конце концов, он сдерживал порывы в юности и в первые годы совместной жизни. Почти всегда успешно. В то время, когда леди еще была незнакомой и пугливой девицей, когда она боялась супруга, когда она запирала двери в свои покои и не пускала никого из слуг Гринтри. Форесты преодолели слишком многое, чтобы Райан позволял себе, взрослому мужчине, поддаваться сиюминутному порыву. Ладно бы перед лордом предстала красавица, которой раньше свет не видывал...

Но в Амадинллин было что-то притягивающее. В иные, тянущиеся слишком долго минуты женщина казалась удивительно родной, словно была одной крови, кем-то из Форестов, дальних и давно забытых. Родственницей, которую много лет не видели, возможно, не встречали и вовсе, но твердо знали, что она существует. Кем-то, про которого помнили и которому в момент долгожданной встречи, несмотря ни на что, всенепременно радовались.

Разговоры про духов не отталкивали Райана. Он не верил в магию, не очень-то надеялся на молитвы и существование самих Богов, хоть исправно посещал Храмы, вносил необходимые пожертвования на благо священнослужителей и выполнял ритуалы. Потому что так полагалось, а посвящать время думам мужчина не любил. К тому же в Гринтри скорее верили в семью, в урожай и природу, в сплоченность и наследственность, чем во что-то другое. И немного в лекарей. Разумеется, еще и в удовольствие, хорошее настроение и домашний уют, который был невозможен без многочисленного потомства и зверья.

Да, Райана уже обвиняли в том, что он заклинает животных, но это была не более чем глупая и ничем не подкрепленная ложь. Зверье и правда относилось к правителю по-особенному, как и к Лассу, и в юные годы к Аалии – лишь Клейса природа обделила умением договариваться, – но это объяснялось иначе. Всего лишь привычка, необходимость проживающих в самой лесистой местности, добрый нрав, ощущение безопасности рядом друг с другом, вза-

имоуважение, но никак не магия. Впрочем, наличие духов, тем более тех, которые указывают путь, отрицать правитель не мог. Он ни разу в жизни не терял направления, всегда твердо знал, куда ему идти, чтобы выбраться из леса, обойти болота и овраги, не столкнуться с хищниками и передвигаться легко, словно ветви, кусты, трава и листья помогали ему ступать, а не вставляли на пути. Быть может, его тоже вели какие-то духи?

Все Форесты, которые жили до него, нередко оставляли свой след в истории, а значит, не могли пропадать вмиг и навсегда. Глупость. Как человек, который совершил немало деяний, умирает и больше ни на что не влияет? Райан пару раз ловил себя на мысли, что предки и в самом деле могли быть тем самым существом или явлением, которое называют духами, и вести своего потомка, когда ему это требовалось. Но после правитель вспоминал, что подобные мысли, как ему говорили, появились в Ферстленде вместе с торговцами и путешественниками, которые имели удовольствие побывать в Новых Землях. Лорд понимал, что духи и вера в них – это навязанное чужое мнение, которое понравилось именно своей необычностью. Райан запрещал себе посвящать этим думам слишком много времени в обычные дни и теперь, после встречи с Амадинллин, у него появилась возможность снова погрузиться в непривычный мир и проникнуться его идеологией. Не в ущерб самому себе.

Может быть, увлечение духами и новой культурой он перепутал с увлечением женщиной?

Так или иначе, беседы были интересны мужчине, разные точки зрения приводили к спорам и даже ссорам, и лорд, скучая по родне, советнику и жене – единственным людям, которые всегда могли противостоять ему, чувствовал ни с чем не сравнимое удовлетворение. Он не искал намеренно повода повздорить, однако с удовольствием развивал спорные моменты и наслаждался нежеланием Амадинллин уступать лорду только потому, что он знатен и богат.

В некотором смысле это даже приносило пользу. Пока лорд Форест убеждал женщину не рисковать жизнью, не желая представлять в плохом свете как человек, который позволил даме пострадать вместо него, его вынудили задуматься. Во время очередного разговора возникла прекрасная мысль – кому именно следует отправить послание, чтобы не привлечь внимание Мортон. Не без помощи Амадинллин Райан решил, что ему нужен некто, пользующийся большим доверием Клейса и поддерживающий с ним связь, тот, кто не имел никаких личных счетов с хозяином Гринтри, а еще лучше – некто, с кем правитель Форест никогда не пересекался и не разговаривал.

Выбор пал на Вилстронгов – они считались верными соратниками и помощниками короля уже не одно поколение. Райан знал, что Клейс иногда навещает к вассалам Старская, в Гринтри брат заезжал куда реже, хотя путь был не так уж и долг...

Вилстронги вызывали в лорде Форесте определенную ревность – он не понимал, почему Клейс охотнее навещает королевских друзей, даже если больше никуда не выбирается, чем родную семью. Может, очередная любовь отбирала у Райана внимание брата?

– Получилось? – лорд Форест встретил Амадинллин у лагеря. Его уговаривали посидеть и отдохнуть, поесть, перестать нервничать, но лорд продолжал ходить по периметру, нервно похрустывая ветками и шишками под ногами. Поскольку его люди еще не отошли от ран, а один так и не пришел в себя, правитель принял решение подождать излечения и остаться на месте еще на несколько дней.

Скорее всего, именно из-за постоянного напряжения и немного из-за роста Райан одним из первых заметил возвратившуюся помощницу и ее сопровождающих.

– Да.

– Это не ответ! – Вероятно, если он познакомит Мэнди с Клейсом, они найдут общее – что дама из Новых Земель, что брат правителя способны и отвечать на вопросы, и говорить по существу, правдиво, но так, что их непременно хочется ударить. Скучно, без подробностей, без энтузиазма. – Расскажи, как все прошло.

– Хорошо.

Желание выместить на ком-нибудь недовольство при помощи физической силы только возрастало, но Райан терпеливо повторил вопрос еще дважды, и воительница с другого континента наконец сдалась.

– Мы пришли в город и нашли птичника. У него нет своей лачуги, он живет с писарями. У него мало птиц. Он рассказал мне про их содержание, про монеты, про жожака... Сначала я думала, что это ритуал для призыва духов, которые укажут путь птицам, но потом поняла, что это лишь болтовня, и перестала слушать. Он спросил, куда мне нужно отправить письмо, я назвала Вилстронгов и этот... – Женщина отодвинула рукав, обнажив подсказки, написанные на руке. Они стирались об одежду, но некоторые оставшиеся буквы помогли ей сориентироваться. – Певенайн... фелл. И в Цитадель. И попросила отправить еще птицу в первый дом из камней, утром. Чтобы наверняка. Я написала все так, как ты сказал. Он, из Жестоких людей... птичник, да, потребовал с меня четыре серебряные монеты за отправку, пять медных монет за утреннюю отправку и две золотые за свою работу. Но это пустая трата, если никто не поймет, что значат эти «дубы».

– Да тебя же обманули! Это слишком дорого даже для лордов, а уж для простого народа... И твои спутники не могли заступиться за тебя и сказать, что это грабеж?

Мужчины, стоящие за спиной Мэнди, буркнули что-то грубое, их язык Райан не понимал, но по звучанию смог догадаться, что только что услышал явно не комплимент в свой адрес. Еще перед вылазкой в город лорд настоял на том, чтобы чужеземцы сняли со своей одежды все глупые украшения, после чего спутники Амадинллина начали походить на привычных жителей Ферстленда и не должны были ни у кого вызвать особого удивления. Двое из них успели загореть куда больше, чем обычно это делали воины, неизменно носящие хотя бы плотную кожу, зато они вполне могли сойти за южан-землепашцев, вынужденно проводящих много времени под палящим солнцем. Разве что отличающееся оружие выдавало в них чужаков, впрочем, птичник мог решить, что оно сделано самостоятельно из имеющихся под рукой материалов.

Необычной внешности Амадинллин хватало с избытком, чтобы привлечь чрезмерное внимание. Именно женщина и вызывала подозрения, она отличалась от любого жителя Ферстленда поведением и говором. Хотелось верить, что легенда о торговцах с Новых Земель не вызовет слишком много вопросов. Для подкрепления рассказа женщина взяла с собой двоих дикарей, которые должны были ждать у ворот, пока она отправляет послание.

Возможно, стоило отправить Огрора. Рыцарь вызывал доверие у Мэнди и при этом походил на привычных Райану сиров, предпочитал металлическое оружие деревянному и прочные доспехи толстым шкурам. Однако сам лорд Форест куда больше верил дикарке.

Мужчины переглянулись, скорчили недовольные рожи для лорда-правителя и снова повторили свои некрасивые слова. Мэнди не знала азов торговли в Ферстленде, но при этом не спешила прислушиваться к словам тех, кто пошел с ней.

Не менее удручающе выглядело ее войско в землях Бладсвордов в качестве боевой единицы. Они сумели отбить лорда у врагов, но вовсе не из-за мастерства – защитники Башни оторопели и не ожидали встретиться с еще одной группой.

– У вас тот, кто настолько важен, станет обманывать тех, кто не враг? – удивилась женщина.

– Положение здесь ни при чем. У нас... Многие будут пытаться обмануть тех, кто ничего не понимает, да и тех, кто понимает, но хуже, чем они, – тоже. Всех, в общем.

– В этом злом городе? – подал голос один из темнокожих мужчин. – Наказать. Злой город пожалеет!

– Да нет же! Город, говорю же, ни при чем. Такое же может быть и в другом городе, и в деревне, и даже одинокий охотник, к которому вы придете в его временный шалаш, скорее всего, будет искать способ выманить из вас побольше.

– Но почему? Он делает свою работу и должен получать за нее! – выступил еще один, тот, чья кожа была темнее всего, он не ходил с Мэнди, но явно давно знал женщину и нередко переговаривался с ней.

– Потому что хочет вкусно есть.

– Я делаю, что умею, и потому я ем. У меня есть одежда, у моих детей есть крыша над головой и еда, у моей женщины есть еда и красивая одежда. Я делаю больше и больше получаю – у меня есть украшения и оружие. Я знаю, что я сделаю еще больше и получу больше. И я тружусь. Почему здесь, в злом городе, не так? Здесь не любят трудиться?

– Никто не любит трудиться, – ответил Райан, – даже те, кто может это делать и более или менее придерживается правил и законов, ищут чем поживиться. Но более всего нельзя доверять птичникам, лекарям и гонцам – они пользуются тем, что часто общаются с разными людьми и могут вытягивать монеты из таких, как вы.

– Это плохие земли, Амадинллин, – заявил первый вмешавшийся. – Здесь не любят труд. Здесь любят ложь и обман. Мы должны скорее вернуть вождя и вернуться домой.

Лорд Форест видел, как женщина кивнула. Она не выглядела напуганной или разозленной. Темнокожий же изменился в лице и вышел вперед:

– Ты знал, что их будут обманывать? Ты знал, но ничего не сказал! Значит, ты хотел, чтобы их обманули? – Он выхватил оружие, напоминающее кинжал, но изогнутый и со множеством мелких зубчиков. Насколько мог судить правитель, оружие было сделано из кости какого-то животного, но хорошо заточено. – Ты, как и твои друзья, хотел смеяться над ними? Над нами всеми! Думаешь, ты сильный и можешь смеяться потому, что живешь здесь? Потому, что вождь? Над нами смеялись в Доме из камней, здесь, за большим соленым озером, а теперь и ты... Довольно!

– Хватит, Саиррганг! – вмешалась воительница. – Мы на одной стороне! Никто не хотел смеяться.

– Мэнди, не встревай. Уж не убить же он меня собрался. – Амадинллин встала между Райаном и разозлившимся дикарем, а Форест только добродушно улыбнулся. Темнокожий отделился от толпы и медленно начал обходить лорда, словно это было противостояние хищников. Не хватало во всем этом безумии только рычания.

– Не убить! – согласился обладатель костяного кинжала. – За смех у нас не убивают... Я отрежу твое ухо и оставлю знак на твоём лице, чтобы моя семья знала – ты нам не друг!

– Ох, да прекрати, – по-прежнему, не принимая слова дикаря всерьез, махнул рукой Райан. Он поворачивался вместе с неприятелем, чтобы не позволить безумцу напасть на него сзади – мало ли что творится у этого народа в голове? – Я бы не стал над вами смеяться, вы спасли мне жизнь. И убери свой костяной огрызок. Что за дикарство?

– Дикарство? Огрызок?! Это оружие дал мне мой отец! А ему его отец, а ему...

– Я понял, это наследство, и ты им очень дорожишь. У меня тоже есть то, что мне перешло от моего отца, а ему – от предков, и я тоже очень дорожу этим. Не надо было называть твой кинжал огрызком, – извинился правитель, но дикарь не понял его попыток и рассердился еще больше.

Саиррганг бросился на лорда, яростно, быстро, ловко. Его прыжок был похож на бросок ядовитой змеи, готовой ужалить недруга, но из-за Амадинллин, которая была безоружна и хотела предотвратить драку, темнокожий замедлился.

Райан схватил нападающего за руку с кинжалом, а второй ударил в живот, благо выходцы из Новых Земель предпочитали носить лишь вареную кожу. Плечо зануло от такого обращения, и лорд почувствовал металлический запах. Впрочем, ничего серьезного, рано или поздно рана затянется. Главное, не позволить наделать в себе новых отверстий.

Теперь Амадинллин бросилась на защиту сородича и, когда лорд отшвырнул того, поспешила помочь темнокожему подняться. Форест тоже приблизился и склонился над мужчиной.

Он подобрал костяной кинжал, который выпал из разжавшихся пальцев противника, и протянул зачинщику драки:

– Я не хотел смеяться над вами, и мне жаль, если кто-то это делал. Надо мной тоже иногда смеялись, особенно раньше, но я не бросался на каждого с кулаками. Если хочешь найти своего вождя, запомни, что на лордов нападать нельзя, даже если они будут смеяться. У меня было мало людей с собой, и почти всех убили, но у других будут с собой войска. А на их землях защищать лорда будут все. Здесь совсем другие законы, и мы по-другому говорим.

Саиррганг схватил кинжал и прижал его к груди. Он уже пришел в себя и смотрел на лорда не столько с яростью, сколько с интересом. Райан ожидал, что ему придется снова обороняться, а дикарь, судя по всему – что нож скорее воткнут в него, чем отдадут просто так.

Амадинллин помогла мужчине подняться и что-то спросила на чужом языке. Темнокожий кивнул.

– Саиррганг слышал смех в поселении у большой воды, там, куда нас привезла пузатая лодка, – пояснила женщина. – Он слышал его весь путь. Когда мы подходили к разным людям, если находили их. В нас показывали пальцем и смеялись. Те, которые живы. Большинство было мертвыми, в ограбленных и вырезанных селениях. Потому и злитесь, он не любит, когда над ним смеются. Он вызвался провожать меня сам, плыть в Другие земли, к чужакам. В Доме из камней он прекрасный воин, он охраняет дом и вожаков. Он хорошо защищается от набегов, знает, как обороняться. От тех, кто противится мирной жизни с Жестокими людьми, но не умеет защищаться от злых языков. Мне тоже не нравится здесь. Пока мы шли до птичника, меня дважды хотели купить, три раза спросили, где мой хозяин, и много раз смеялись. Я с Жестокими людьми и почитателями Древневышсцев долго, часто имею дела. Я привыкла. Саиррганг делает свою работу только в Доме из камней, вокруг него, и там над ним не смеются.

– Так чего ж ты взяла в поход тех, кто не знает, как себя вести?

– Ты сказал, что никто не должен узнать и подумать на тебя. Железный человек может навлечь на тебя мысли, много Железных людей и подавно. Но кто свяжет тех, кто живет по ту сторону большого соленого моря и тебя?

Форест вздохнул. Нет, женщина в чем-то была права, в ее поступках прослеживалась логика. Райан и в самом деле волновался, чтобы никто не прознал о связи Амадинллин и Фореста, но лишь потому, что опасался за нее и ее спутников. Он предполагал, что женщина отправится с рыцарями и воинами, которые уже бывали в Ферстленде или достаточно о нем наслышаны, ведь их лиц никто не знает, а у большинства произношение подходящее скорее югу или западу. Людей Райана в них явно бы никто не признал.

– Но я не думал, что... Амадинллин, ты думаешь иначе, мне сложно привыкнуть к этому. Я благодарен тебе и твоим друзьям за помощь. Теперь Клейс все узнает! Я должен встретиться со своими людьми, осталось не так много времени, может, мы найдем, где скрыться, пока брат не отправит войско.

– Твой человек умирает, – напомнила женщина лорду. – Он не переживет похода.

– Мы можем сделать ему носилки. Его можно нести, а когда ему полегчает, он сможет ехать верхом.

– Ему не полегчает. Твой человек не переживет похода. Мы должны его...

– Нет! Нет, ни в коем случае! Он выживет, а мы поможем ему. Мы с сиром Далгом сможем нести его.

– Мы проводим вас, – Амадинллин не спрашивала, а утверждала.

Райану нравилась ее решимость, а трепет, воспитанность и мягкость он терпел и принимал с благодарностью только от одной женщины – от дочери. Но после событий на турнире в землях Старскаев иногда жалел, что его хрупкий отпрыск чрезмерно мил и добр и совершенно не способен самостоятельно себя защищать.

– Но вы же искали своего вождя.

– Мы продолжаем его поиски. Духи ведут меня, и пока наш с тобой путь един. После, когда мне укажут иную дорогу, я покину тебя, Райан-вождь, но не сегодня. Мы поможем нести твоего человека, и наша защита тебе пригодится.

И как бы ни хотел Форест отказаться от этого, разумом он понимал, что Амадинллин оказывает ему большую услугу. Он не представлял, как справится без помощи.

Лагерь свернули в считанные минуты, кострища закидали землей, из палок, тряпок, веток и веревок соорудили носилки, листья и мох должны были сделать их немного мягче, хоть и несколько тяжелее. Более женщина не возвращалась к вопросу убийства раненого, но всего через полдня пути Форест понял, что погорячился. Похоже, эти духи говорили дикарке много того, чего сам Райан не мог предсказать.

Воин чувствовал себя только хуже с каждым часом, его хрипы терзали правителя не меньше, чем уже пережитые смерти. Поход замедлялся из-за раненого, то и дело приходилось останавливаться, когда тому становилось еще хуже. До вечера они преодолели только треть планируемого пути, а Райан чувствовал такую усталость, словно пробежал на своих двоих от Санфелла до Фиендхолла.

К следующему утру воин лишь натужно хрипел, так и не приходя в себя. Кожа вокруг его ран почернела, пальцы непроизвольно содрогались, а жар чувствовался на расстоянии вытянутой руки. Быть может, будь у отряда возможность сразу унести его в город, к лекарям, он бы имел шансы выжить, но в лесу, еще и при необходимости продолжать двигаться, тащить его за собой означало лишь продлевать агонию.

Люди никак не могли стронуться с места. Защитник Фореста и его верный подданный не позволял правителю отойти от себя. Нет, он не держал его в привычном понимании слова, но вынуждал только нарезать круги и метаться туда-сюда у сооруженного из веток, листьев и шкуры навеса. Тот должен был защитить несчастного от дождя. Райан собирался с силами и произносил известные ему молитвы Богам, духам, предкам, всем, кто готов их услышать. Может быть, он и переврал половину слов, которые часто произносили священнослужители, но порывы души были самыми искренними.

Да, лорд видел, как умирают люди, и не раз. Он провожал в последний путь сестру, он похоронил отца, видел мертворожденных детей. Воины и рыцари постоянно погибали вместо правителей и во имя их, но все время находиться рядом с умирающим и страдающим, на чужой земле, видеть преобразование из пышущего здоровьем любителя дев и шуток в гниющий заживо кусок мяса ему еще не доводилось. Райана лишали этого удовольствия, он всегда спал отдельно, в собственном шатре или сидел в замке. Он находился среди здоровых защитников, его воины уходили для сражения и просто не возвращались более.

Раненые лечились или умирали посреди поля, или в сооруженных на скорую руку лачугах, или в лекарьских лавках, или где-то еще. Отдельно.

Наблюдать за смертью одного, неминуемой, доставляющей мучения, отражающейся на коже пятнами, Райану совсем не нравилось. Это оказалось страшнее и тяжелее, чем вести на войну народ.

Никакое понимание необходимости не помогало мужчине решиться. Два раза он вынимал нож и сразу же убирал его в ножны.

– Иди. И веди людей, – Амадинллин кивнула в сторону уже собравшихся. – Ему ты не поможешь. Иди!

– Мне нужно время. Я сам.

– Иди.

Райан бросил короткий взгляд на женщину, прохрипел слова прощания воину, поблагодарил его за верную службу и быстро зашагал прочь. Правитель не стал садиться на лошадь, а повел ее рядом, до тех пор пока не отошел на достаточное расстояние. Чтобы не обернуться и ничего не увидеть, даже если захочется.

Амадинллин вскоре нагнала их, она принесла с собой шкуру с навеса и испачканный теплый плащ, а на молчаливый укор правителя ответила:

– На что они ему сдались? К вашим духам он это забрать не сумеет. А ночи будут холодать.

Потеря воина и осознание смерти не стали единственным потрясением для Райана – его люди не пришли в назначенное место в указанный срок. Их не было ни в тот день, ни на следующий, ни через день. Правитель торопился, он не выделил время, чтобы позволить отдохнуть и поправиться одному, чтобы встретить десяток выживших, а в итоге потерял всех.

Форест дал на ожидание еще один день, уже готовясь к худшему, а после еще один. Если люди не придут, значит, кто-то понял, кому они служат, и этот кто-то уже начал поиски лорда. Этот кто-то ведет за собой людей Мортонна и вполне может отыскать Райана раньше, чем Клейс получит письмо.

Тоб

Сбежавший с острова ученик лекарей устал.

Несколько дней их небольшая группа, состоящая из него самого, друга-рыцаря и Даффы, которую юноше опять приказали называть Авит, бежали и скрывались от рыцарей из Серого Братства. От тех самых, кто, как надеялся Тоб совсем недавно, должны помочь троице.

Зэуран вбил в голову, что его братья по оружию враги и предатели, он опасался, что они навредят бывшему крестьянину, обидят Даффу и, еще больше, что они не помогут самому сиру добраться до короля. Тоб знал, что спутник обладает важной информацией, такой, что это должно перевернуть в столице все вверх дном. Что-то про отравление короля, имена отравителей и лордов, которые в этом повинны. Рыцарь утверждал, что знал слишком многое и за это его заточили на острове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.